

СТИВЕН
* ФРАЙ *

ТРОЯ

ВЕЛИЧАЙШЕЕ

ПРЕДАНИЕ

В ПЕРЕСКАЗЕ

Стивен Фрай
Троя. Величайшее
предание в пересказе
Серия «Античный цикл», книга 3

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63465840

Троя. Величайшее предание в пересказе: Фантом Пресс; Москва; 2020
ISBN 978-5-86471-869-8

Аннотация

После историй о богах («Миф») и людях («Герои») Стивен Фрай продолжил свой грандиозный античный цикл величайшим преданием, которому уже три с лишним тысячи лет. История о Трое и ее героях свежа и актуальна и поныне, пусть и отделяют нас от нее века. Десятилетняя война, захватившая на рубеже XIII и XII веков до н. э. все восточное Средиземноморье и окрестности, стала благодаря Гомеру и его «Илиаде» неисчерпаемым источником вдохновения для всей западной цивилизации. История Трои и поныне определяет наши представления о героизме, любви, предательстве, мести, коварстве, разочаровании, покаянии, отчаянии и великодушии. В своем третьем томе великих античных сказаний Стивен Фрай предлагает нам настоящий роман в самом современном его понимании – столь же динамичный, захватывающий и трогательный

до самого сердца. Елена, Парис, Ахилл, Патрокл, Менелай, Агамемнон, Приам, Гекуба – эти и многие другие имена уже стали едва ли не нарицательными, но Фрай придал этой бессмертной симфонии голосов и судеб блистательное и очень современное звучание.

Содержание

Введение	7
Мир Трои	8
Олимпийцы	9
Хронология	10
Он упал с небес	11
Основание	14
Проклятия	18
Спасение и разрушение	25
Вот он грядет, украшенный венком[12]	25
Возвращение Геракла	32
Братья	39
Теламон в изгнании	43
Пелей в изгнании	45
Свадьба и яблоко	56
Сон царицы	65
Мальчик, который выжил[41]	69
Хитроглазый пастух	74
Суд	78
Семейные ссоры	84
Яйца	90
Лотерея	95
Седьмой сын	106
С младенцем на руках	112

Действующие лица	115
Парис возвращается домой	117
Боги смотрят свысока	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Стивен Фрай Троя Величайшее предание в пересказе

Stephen Fry

Troy: Our Greatest Story Retold

* * *

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Copyright © Stephen Fry, 2020

© Ш. Мартынова, перевод, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2020

© «Фантом Пресс», издание, 2020

Введение

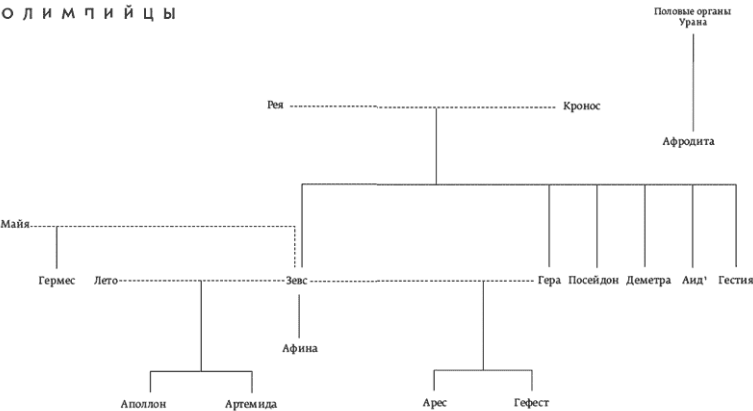
Рождение и возвышение богов и людей – предмет моей книги «Миф», а ее продолжение «Герои» освещает великие подвиги, похождения и приключения смертных героев – Персея, Геракла, Ясона, Тесея и других. Чтобы получить удовольствие от книги «Троя», читать предыдущие необязательно: там, где мне это представлялось полезным, я разместил постраничные сноски, отсылающие к событиям и персонажам, о которых идет речь в предыдущих двух томах, но для того, чтобы взяться за «Трою», предварительно знать что-то о мире греческой мифологии не требуется. Время от времени – особенно в начале книги – я напоминаю вам: ни на миг не подумайте, что необходимо запоминать все эти имена, места и родственные отношения. Чтобы ввести вас в курс дела, я в общих чертах рассказываю об основании всевозможных династий и царств, но, уверяю вас, когда дело дойдет до основных событий, многочисленные нити повествования превратятся из путаницы в гобелен. Рассуждения о том, в какой мере изложенное – история, а в какой – миф, вы найдете в двухчастном приложении в конце книги.

Мир Трои

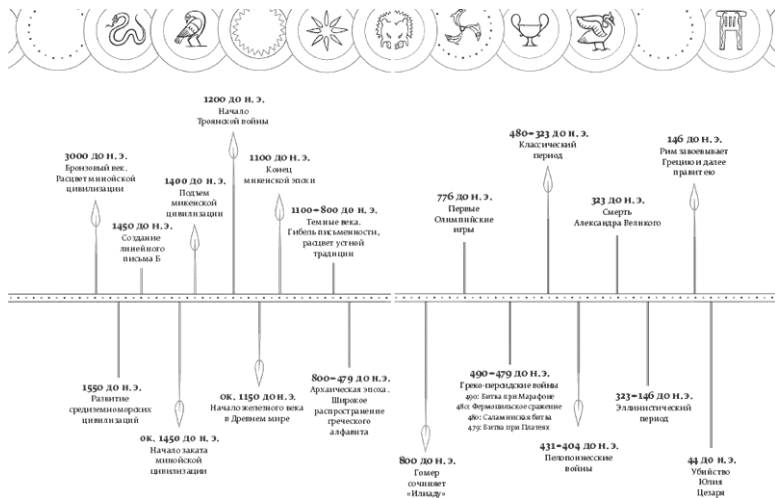

Олимпийцы

Олимпийцы

Хронология

Он упал с небес

Троя. Чудеснейшее царство на всем белом свете. Жемчужина Эгейского моря. Блистательный Илион, город, воздвигшийся и павший не единожды, но дважды. Царство золота и лошадей. Суровый пестун провидцев, царевичей, героев, воинов и поэтов. Под защитой АРЕСА, АРТЕМИДЫ, АПОЛЛОНА и АФРОДИТЫ стояла Троя воплощением всего, чего можно достигнуть в искусствах войны и покоя, торговли и сделок, любви и ремесла, державности, благочестия и гражданской гармонии. Когда же пала она, разверзлась брешь в мире людей, какую не затянуть никак – только лишь в памяти. Да воспоют поэты предание о Трое вновь и вновь, да передадут его из поколения в поколение, дабы не утратили мы вместе с Троей часть самих себя.

Чтобы постичь конец Трои, необходимо постичь ее начала. Многие перипетии и повороты предшествовали этой истории. Не счесть имен, характеров и семейств, то появляются они на сцене, то исчезают. Нет нужды запоминать все имена, узы крови и брака, все царства и провинции. Повествование сложится, а важные имена застрянут в памяти – даю слово.

Всё на свете, включая Трою, начинается и заканчивается ЗЕВСОМ, царем богов, Владыкой Олимпа, Хозяином грома,

Пастырем туч и Повелителем бурь.

Давным-давно, чуть ли не до зари человеческой истории, Зевс уестествил Электру – красавицу-дочь титана Атланта и морской нимфы Плейоны. Электра подарила Зевсу сына ДАРДАНА, он странствовал по всей Греции и по островам Эгейского моря, ища, где б ему обустроить свою династию. Наконец причалил к ионийскому берегу. Если вам не доводилось посещать Ионию, знайте: это земля на востоке Эгейского моря, звалась она Малой Азией, но мы теперь именуем ее турецкой Анатolieй. Имелись там великие царства Фригия и Лидия, но эти места были заняты и ими уже правили, а потому осел Дардан на севере, заняв полуостров, расположенный пониже Геллеспонта – пролива, в который свалилась со спины Золотого барана Гелла. Много лет спустя в поисках руна того самого барана через Геллеспонт проплыл ЯСОН. Очарованный Леандр еженощно переплывал Геллеспонт, чтобы воссоединиться со своей возлюбленной Геро¹.

Город, основанный Дарданом, был поименован – с малой фантазией и еще меньшей скромностью – Дарданом, а все царство называлось Дарданием². После смерти царя-основа-

¹ Истории о Гелле, Золотом баране и Ясоне вы найдете в «Героях», а трагедию Геро и Леандра – в «Мифе». И в дальнейшей истории этот же пролив, ныне именуемый Дарданеллами, был причиной ужасных войн в окрестностях города, который греки звали Прекрасным, *Калли Поли*; со временем это название превратилось в Галлиполи. – Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.

² По некоторым сведениям, Дардан присоединил к своим владениям или даже

теля правил старший из трех его сыновей – Ил, но умер он бездетным, и престол отошел среднему сыну Дардана ЭРИХ-ТОНИЮ³.

При Эрихтонии царили покой и благополучие. Под сенью горы Иды край Эрихтония питали милостивые речные боги Симос и Скамандр, одаряя земли великим плодородием. Эрихтоний постепенно стал богатейшим человеком в обозримом мире и прославился своими тремя тысячами кобылиц и их бесчисленными жеребьятами. Северный ветер Борей обернулся диким жеребцом и породил замечательную породу лошадей от молоденьких кобылок Эрихтониева стада. Потомство получилось таким резвым и легконогим, что мчало по хлебным полям, не сминая ни единого колоска. Так говорят.

Лошади и богатства: всякий раз, стоит речи зайти о Трое, мы говорим о чудесных конях и непомерных сокровищах.

захватил уже существовавшее царство, основанное царем Тевкром, сыном речного бога СКАМАНДРА и ореады – горной нимфы – Идеи. Этого Тевкра не стоит путать с лучником – его тезкой, с кем мы познакомимся далее. В позднейшей поэзии и хрониках троянцев иногда звали тевкрами.

³ В честь Идея, младшего из трех сыновей Дардана, стала называться гора Ида, величайший горный пик к югу от Дардании.

Основание

После смерти Эрихтония престол унаследовал его сын ТРОЙ. У Троя была дочь Клеопатра и три сына – ИЛ (названный в честь дяди), Ассарак и ГАНИМЕД. История царевича Ганимеда хорошо известна. Столь непревзойденной была его красота, что всепоглощающая страсть одолела самого Зевса. Приняв облик орла, он слетел с небес и утащил юношу на Олимп, где Ганимед сделался любимым прислужником Громовержца, его товарищем и виночерпием. Дабы воздать Трою за утрату сына, Зевс послал к нему ГЕРМЕСА с подарком – двумя божественными лошадьми, до того стремительными и легкими, что могли они скакать галопом по воде. Утешили Троя и эти волшебные животные, и заверения, что Ганимед теперь – и, по определению, вовек – бессмертен⁴.

Новый город основал брат Ганимеда Ил и назвал его в честь Троя. Царевич Ил стал победителем среди борцов на Фригийских играх, в награду получил пятьдесят юношей и пятьдесят девушек, а вдобавок – что важнее – корову. Корову исключительную, которую оракул велел Илу использовать при основании города:

⁴ Так и есть – виночерпий наделен двумя вечными жизнями в ночном небе: как созвездие Водолея и как одна из лун своего возлюбленного Юпитера (у всех планет – римские имена богов).

– Где эта корова ляжет, там и строй.

Если б Ил слышал историю о КАДМЕ – а кто ж ее не слышал? – он бы знал, что Кадм с Гармонией, исполняя указания оракула, двинулись за коровой и подождали, пока животное не уляжется и тем самым не укажет, где строить поселение, в дальнейшем ставшее Фивами, – первым великим городом-государством Греции. Может показаться, что практика поручения коровам выбора, где закладывать город, спорна и диковинна, но если вдуматься, не такая уж она и странная. Там, где стоять городу, должно быть вдоволь мяса, молока, кожи и сыра для горожан. Уж не говоря о сильных тягловых животных – волах, чтобы пахать поля и таскать повозки. Если условия в округе кажутся корове достаточно благоприятными и она решает здесь прилечь, на это стоит обратить внимание. Так или иначе, Ил с готовностью последовал за полученной в награду телкой из Фригии на север вплоть до Трояды⁵, мимо склонов горы Иды и на великую равнину Дардании – и вот здесь-то, неподалеку от Дардана, первого города, построенного дедом Ила, коровка наконец улеглась.

Ил огляделся. Хорошее место для нового города. На юге возвышался массив горы Иды, а поодаль, к северу, пролегал Геллеспонт. На востоке виднелось Эгейское море, а по самой зеленой плодородной равнине вились реки Симос и Скамандр.

Ил преклонил колена и помолился богам – пусть ниспо-

⁵ Весь полуостров тоже стал называться в честь Троя.

шлют знак, что ошибки нет. Ответ последовал мгновенно: с неба упал перед Илом, подняв облако пыли, деревянный предмет. Высотой примерно с десятилетнего ребенка⁶, это была вырезанная статуя АФИНЫ ПАЛЛАДЫ с копьем в одной воздетой руке и с прялкой и веретеном в другой – символами искусств войны и искусств мира, которым покровительствовала сероглазая богиня.

От вида столь священного предмета Ил мгновенно ослеп. Прозрения в дела олимпийцев ему хватало, а потому он не переполошился. Вновь пал он на колени и вознес к небесам молитвы благодарности. Через неделю усердных радений Ил был вознагражден: зрение вернулось к нему. Бурля обновленной силой и пылом, немедленно взялся он закладывать основание своего нового города. Улицы он спланировал так, чтобы расходились, как спицы колеса, от центрального храма, который Ил собирался посвятить Афине. В святилище храма он поместил деревянную статую Афины Паллады, что упала с неба, – *ксоан*, Оберег Трои, символ и подтверждение божественности города. Пока этот священный тотем не осквернен, стоять Трое и процветать. В это верил Ил – и люди, что собрались вместе с ним строить и населять новый город. Деревянную статую они называли Палладием, город в честь отца Ила поименовали Троей, а самих себя – троян-

⁶ Три локтя в древнегреческой системе мер, то есть примерно 4 фута 6 дюймов [около 137 см – *примеч. перев.*] в высоту. Подобные деревянные культовые скульптуры божества (обычно богини) назывались *ксоанами*.

цами.

Вот какая династия основателей получается: от Дардана к его сыновьям Илу Первому и Эрихтонию, чей сын Трой породил Ила Второго, в честь которого Троя носит еще одно название – Илион⁷.

⁷ Отсюда происходит название эпической поэмы Гомера «Илиада».

Проклятия

Существовала в Ионии и другая царственная династия, о которой нам полагается помнить: ее важность переоценить трудно. Возможно, вы уже знаете историю царя ТАНТАЛА, правившего Лидией, царством к югу от Трои. Тантал подал богам жаркое из своего сына ПЕЛОПА⁸. Боги вернули юноше Пелопу тело и воскресили его, он вырос и стал пригожим и любимым в народе царевичем, а также любовником ПОСЕЙДОНА; бог моря подарил ему колесницу, запряженную крылатыми конями. Та колесница привела к проклятию, приведшему к... приведшему едва ли не ко всему вообще.

Беззаконие Тантала возмутило владыку Трои так же, как и всех остальных, и Ил военной силой изгнал Тантала из тех краев. Казалось бы, Пелопу ли возражать против изгнания отца: в конце концов, Тантал убил собственного сына, покрoshiл и подал олимпийцам фрикасе из него, – но куда там. Не успел Пелоп возмужать, как собрал армию и напал на Ила, однако Ил его легко одолел. Теперь уже пришел черед самому Пелопу убираться из Ионии, и устроился он в землях да-

⁸ Зевс покарал Тантала вечной мукой в Преисподней: до воды и плодов рукой подать, но никак не дотянуться. См. «Миф», стр. 343. [В пер. «Илиады» Н. Гнедича (опубл. 1829) – Пелопс. В целом в тех случаях, когда на русском языке бытует несколько вариантов передачи имен собственных, при выборе мы руководствовались единой логикой, сложившейся в переводах книг «Миф» и «Герои». – *Примеч. перев.*]

леко на западе, на полуострове в материковой части Греции, названном в его честь Пелопоннесом. На той замечательной земле возникли прославленные царства и города – Спарта, Микены, Коринф, Эпидавр, Трезен, Аргос и Писа. Эта Писа – не итальянский город с наклонной башней, конечно, а греческий город-государство, которым, когда явился Пелоп, правил царь ЭНОМАЙ, сын Ареса, бога войны.

У Эномая была дочь ГИППОДАМИЯ, чья красота и родословная привлекали множество ухажеров. Эномай страшился пророчества, предсказывавшего ему смерть от руки зятя. Но не водилось в ту пору монастырей, куда можно было упрятать дочь, а потому Эномай решил оставить ее в старых девах иным способом: объявил, что Гипподамию отдаст в жены лишь тому, кто победит его в гонке на колесницах. В этом условии имелась заковыка: награда-то за победу, может, и рука Гипподамии, зато цена *проигрыша* – жизнь соискателя. Эномай считал, что не сыщется колесничего ловчее его на всем белом свете, а потому не сомневался, что дочь навеки останется незамужней и зятя, какого пророчество сулило ему в убийцы, не возникнет. Вопреки внушительной цене проигрыша и непревзойденной репутации Эномая-колесничего, восемнадцать смельчаков приняли вызов. Велика была красота Гипподамии, а возможность заполучить и ее, и богатый город Пису заманчива. Те восемнадцать состязались с Эномаем – и все восемнадцать проиграли: их головы в разных стадиях разложения украсили шесты вокруг иппо-

дрома.

Когда Пелоп, изгнанный из своего царства в Лидии, прибыл в Пису, красота Гипподамии покорила его тут же. В свои силы наездника он, конечно, верил, однако счел разумным обратиться за дополнительной помощью к своему бывшему любовнику Посейдону. Бог моря и лошадей с радостью прислал с волной колесницу и двух крылатых жеребцов великой мощи и прыти. Чтобы уж точно все получилось без промаха, Пелоп подкупил МИРТИЛА, колесничего Эномая и сына Гермеса, чтоб тот помог Пелопу выиграть гонку. Миртил (воодушевленный обещанием полцарства Эномая и одной ночи в постели с Гипподамией, в которую тоже был влюблен) ночью накануне заезда прокрался в конюшни и заменил бронзовые втулки на колесах Эномаевой колесницы на восковые.

Назавтра, когда началась гонка, юный Пелоп ринулся вперед, но столь искусен был Эномай в этом деле, что вскоре начал догонять соперника. Почти настиг он Пелопа и занес было копьё для смертоносного удара, но тут восковые втулки не выдержали, колеса слетели с осей и Эномая до кровавого месива затоптали его же лошади.

Миртил потребовал своей заслуженной, как он считал, награды – ночи с Гипподамией, но царевна прибежала к Пелопу жаловаться, и тот сбросил Миртила со скалы в море. Перед тем как утонуть, Миртил, барахтаясь в воде, успел проклясть Пелопа и всех его потомков.

Миртил – не самый известный древнегреческий герой. И все же та часть Эгейского моря, куда он свалился, и поныне зовется Миртойским морем. Бессчетные годы местные жители ежегодно приносили Миртилу жертвы в храме его отца Гермеса, где лежало забальзамированное тело возничего. Столько почитания – и все какому-то похотливому слабаку, принявшему взятку, которая привела к гибели его же царя.

Но вернемся к проклятию, наложенному на Пелопа. Оно важное. Ибо у Пелопа и Гипподамии родились дети. А у тех детей родились свои дети. И проклятие Миртила пало на них всех. И нам предстоит в этом убедиться.

Если есть в этой повести – повести о Трое – смысл или мораль, они сводятся к простой старой истине: у действий бывают последствия. Сотворенное Танталом отяготилось деяниями Пелопа, и поступки обоих навлекли погибель на важнейший в Греции царственный дом.

Того и гляди, царственный дом Троя тоже, в свою очередь, навлечет на себя проклятие...

Владыка Ил скончался, и престол Трои занял его сын ЛАОМЕДОНТ⁹. Ил был благочестив, прилежен, трудолюбив, честен и рачителен, Лаомедонт же оказался жаден, тщеславен, нерадив, дерзок и коварен. Скаредность и честолобие подтолкнули его к тому, чтобы укрепить Трою еще больше, обнести ее мощными защитными стенами и бастиона-

⁹ В пер. «Илиады» Н. Гнедича – Лаомедон. – *Примеч. перев.*

ми, золотыми башнями и турелями, – пусть тем самым обретет город величие, какого не видывал доселе белый свет. Впрочем, чтобы воплотить эту затею, Лаомедонт предпринял нечто по нашим понятиям странное, но во времена, когда боги и люди населяли землю вместе, это все еще было возможно: он привлек к работе двух олимпийских богов – Аполлона и Посейдона. Бессмертные не гнушались мелкой сдельщиной, и эти двое принялись за строительство с пылом и умением – нагромодили исполинские гранитные валуны, обтесали их до опрятных блоков и возвели великолепные сверкающие стены. Совсем скоро труды их завершились, и свежееукрепленная Троя теперь гордо высилась посреди равнины Илиона – величественная и устрашающая крепость, каких не бывало доселе. Но когда Аполлон и Посейдон явились к Лаомедонту за платой, он поступил так же, как и многие домовладельцы дальнейших эпох, – поджал губы, втянул воздух промеж зубов и покачал головой.

– Нет-нет-нет, – проговорил он. – Бастионы наклонные, а я заказывал прямые. И южные ворота совсем не такие, как я хотел. А уж контрфорсы-то! Все не так. Ой ты ж батюшки, нет, за такую паршивую работу я заплатить никак не могу.

Говорят, у дураков золото не задерживается, но стоило бы еще добавить, что те, кто вообще отказывается расставаться с золотом, – дураки величайшие.

Месть обманутых богов была стремительна и беспощадна. Аполлон наслал за стены Трои чумных стрел, и через

несколько дней вознеся над Троей вой и стон: смертельный недуг сразил по меньшей мере кого-нибудь одного в каждой семье. В то же самое время Посейдон наслал на Геллес-понт громадное морское чудовище. Всякое водное сообщение между востоком и западом из-за этого лютого зверя прекратилось, и Троя вскоре изголодалась без торговли и пошлин, от которых зависело благополучие города.

Вот тебе и палладий, вот тебе и Оберег Трои.

Устрашенные граждане валом повалили ко дворцу Лаомедонта и потребовали помощи. Царь обратился к жрецам и провидцам, и те оказались единодушны.

– Слишком поздно платить богам золото, какое задолжал ты им, владыка. Умилостивить их теперь можно только одним способом. Придется пожертвовать морской твари дочь твою ГЕСИОНУ.

Детей у Лаомедонта было навалом¹⁰. Пусть дочь Гесиона и ходила в любимицах, свои плоть и кровь значили для царя больше, чем, как говорится, одна с ним плоть и кровь, и Лаомедонт понимал, что, пренебреги он советом провидцев, перепуганное и озлобленное население Трои порвет его на клочки и Гесиону в жертву принесет в любом случае.

– Пусть так, – проговорил он с тяжким вздохом и досадливо мотнул головой.

¹⁰ Один из них, ТИФОН, женился на богине рассвета ЭОС, и Зевс одарил его бессмертием. Бессмертием – но не вечной юностью. А потому Тифон увядал, пока Эос не превратила его в кузнечика. См. «Миф», стр. 417.

Гесиону забрали, приковали к скале над Геллеспонтом, и стала она ждать своей гибели в пасти морского чудовища¹¹.

Троя затаила дыхание.

¹¹ Та же судьба постигла эфиопскую царевну Андромеду, спасенную ПЕРСЕЕМ, праправнуком ГЕРАКЛА. См. «Герои», стр. 52.

Спасение и разрушение

Вот он грядет, украшенный венком¹²

В то самое время, когда Гесиона, прикованная к скале, принялась возносить Олимпу молитвы о своем спасении от Посейдонова морского дракона, к воротам Трои прибыли Геракл и его спутники – они возвращались после Девятого подвига Геракла, добыв пояс Ипполиты, царицы амазонок¹³.

Геракла и его друзей ТЕЛАМОНА и ЭКЛА препроводили к царю. Хотя и почетен был троянскому двору визит великого героя, ум Лаомедонта занимали истощенные склады измученного болезнью и невзгодами города, а не честь принимать в гостях Геракла и его товарищей, какими бы знаменитыми и обожаемыми ни были они. Геракл странствовал в сопровождении небольшой армии, и Лаомедонт знал, что армия эта ожидает кормежки. У самого Геракла аппетита хватило б на сотню мужей.

– Милости просим, Геракл. Надолго ль ты и честная компания твоя пожаловали к нам?

¹² Отсылка к названию гимнического хора из оратории «Иуда Маккавей» (1746) Георга Фридриха Генделя, либретто Томаса Моррелла. – *Примеч. перев.*

¹³ См. «Герои», стр. 111 и далее.

Геракл удивленно оглядел сумрачных придворных.

– Чего такие кислые? Мне рассказывали, что Троя – богатейшее и счастливейшее царство на белом свете.

Лаомедонт завопил на троне.

– Тебе как мало кому должно быть известно, что люди – всего лишь игрушки богов. Что есть человек, как не беспомощная жертва их мелочных капризов и мстительных завистей? Аполлон наслал на нас заразу, а Посейдон – чудище, перекрывшее нам морской путь.

Геракл выслушал эту жалобную и почти целиком выдуманную версию событий, повлекших за собой жертвоприношение Гесионы.

– По-моему, невелика беда, – произнес он. – Всего-то и надо, что очистить фарватер от того дракона да спасти твою дочку... как бишь ее?

– Гесиона.

– Во, ее самую. А мор скоро ветром сдует – так оно всегда бывает, сдается мне.

Лаомедонт усомнился.

– Ну предположим. А дочка моя как же?

Геракл поклонился.

– Дел тут на минутку.

Лаомедонт, как и всякий в греческом мире, слышал байки о подвигах, совершенных Гераклом: об очистке стойл царя Авгия, об усмирении Критского быка, о поимке великого клыкастого вепря на горе Эриманф, об истреблении Немей-

ского льва и уничтожении Лернейской гидры... Если этот вол неуклюжий, завернутый в львиную шкуру и с дубом наперевес вместо палицы, и впрямь поборол всех этих жутких тварей, может, сумеет и Геллеспонт очистить, и Гесиону спасти. Но вечно же этот вопрос оплаты.

– Царство мы небогатое... – соврал Лаомедонт.

– Не бери в голову, – отозвался Геракл, – с тебя я взял бы твоих коней.

– Коней?

– Тех самых, что мой отец Зевс послал твоему деду Трою.

– А-а, тех коней. – Лаомедонт взмахом руки словно бы переспросил: «Всего-то?» – Дорогой мой дружище, освободи пролив от дракона и верни мне дочь – и получишь коней и их серебряные сбруи в придачу.

И часа не прошло, как Геракл, зажав нож в зубах, уже нырнул в воды Геллеспонта и попер грудью на встречную волну Посейдонову. Гесионе, прикованной к скале, вода уже доходила до талии, и девушка изумленно наблюдала, как здоровенный мускулистый мужчина, гребя изо всех сил, направлялся напрямик к теснине пролива, где таился дракон.

Лаомедонт, Теламон и Экл вместе с преданными греческими спутниками Геракла наблюдали за ним с берега. Теламон шепнул Эклу:

– Только глянь на нее! Видал ли ты кого-нибудь красивее?

Пусть Гесиона и являла собой чарующее зрелище, взгляд Экла влекло зрелище иное: его вожак устремлялся навстречу

морскому дракону – в той самой простой, незамысловатой и зверски вызывающей манере, какой был славен. Геракл плыл к чудовищу напролом, однако дракон не просто не выказывал страха – он разинул пасть пошире и сам двинулся к Гераклу.

Экл считал, что друга своего и повелителя знает хорошо, но следующее решение Геракла оказалось совершенно неожиданным. Не сбившись с ритма, тот заплыл напрямик чудовищу в пасть. Крики поддержки с берега пресеклись и угасли в потрясенной тишине – Геракл пропал из виду. Сглотнув и щелкнув исполинскими челюстями, чудище восстало из воды с победным ревом, а затем нырнуло на глубину. Гесиона оказалась спасена – хотя бы на время, – а вот Геракл... Гераклу пришел конец. Величайшего, сильнейшего, храбрейшего и благороднейшего героя Геракла заглотили целиком – он толком и не сопротивлялся.

Впрочем, Экл и все остальные поторопились с выводами. В смрадном нутре зверя Геракл немедля принялся кромсать ножом. Прошло сколько-то времени, показавшегося вечностью¹⁴, и на поверхность начали всплывать ошметки мяса и чешуя. Первыми их заметил Теламон – он вскричал во весь голос и показал туда, где вода вскипела кровью и ворванью. Когда же, громогласно отфыркиваясь, в брызгах морской во-

¹⁴ Некоторые историки утверждали, будто Геракл пробыл внутри чудовища целых три дня, что кажется маловероятным. Ровно столько же Иона просидел внутри своей большой рыбы, а потому, возможно, это просто временной промежуток, характерный для подобных историй.

ды вынырнул и сам Геракл, все сборище греков и троянцев разразилось оглушительным «ура». Как смели они сомневаться в величайшем герое на свете?

Вскоре дрожащая Гесиона благодарно приняла плащ и заботливую руку Теламона, и вместе с ликовавшими воинами они сопровождали Геракла обратно к Лаомедонту¹⁵.

У некоторых людей есть врожденная неспособность учиться на собственных ошибках. Когда Геракл потребовал коней, обещанных ему в уплату, Лаомедонт с присвистом цыкнул зубом – в точности так же, как прежде при Аполлоне и Посейдоне.

– Ой нет-нет-нет, – сказал он, качая головой. – Нет-нет-нет-нет-нет. Мы условились, что ты *очистишь* Геллеспонт, а не оставишь его забитым жиром, кровью и костями. Моим людям теперь не одну неделю прибираться на берегу от этой пакости. «Очистить фарватер» – твои же слова, и таково было условие. Оспорит ли кто?

Лаомедонт выставил вперед бороду и пронзительно оглядел собравшихся придворных и стражников из своей гвардии.

– Его же слова...

– «Очистить» – так он и сказал...

– Как всегда, твое величие, ты прав...

¹⁵ Бытуют версии этой истории, согласно которым едкие пищеварительные соки дракона то ли целиком выжгли на Геракле все волосы, то ли навсегда вытравили цвет их, и он поседел.

– Видишь? Никак не могу я тебе заплатить. Благодарен, конечно, за Гесиону, однако уверен, что дракон бы ее не обидел. Мы б и сами ее со скалы забрали со временем – и уж точно безобразия такого устраивать бы не стали.

С ревом негодования Геракл потряс дубиной. Воины Лаомедонтовой стражи тут же оголили мечи и взяли своего царя в оборонительное кольцо.

Теламон встревоженно зашептал Гераклу на ухо:

– Брось, дружище. Перевес сил не в нашу пользу: тысяча к одному. Кроме того, тебе нужно вернуться в Тиринф вовремя и взяться за последний – десятый – подвиг. Опоздаешь хоть на день – потеряешь всё. Девять лет усилий впустую. Оставь, он того не стоит.

Геракл опустил палицу и плюнул в стражников, за которыми трусливо спрятался Лаомедонт.

– Твое величие еще меня увидит, – прорычал он. Низко поклонившись, он развернулся и удалился. – Тот поклон – понарошку, – пояснил он Теламону и Эклу по дороге к кораблю.

– В смысле – понарошку?

– Это был саркастический поклон.

– А, – отозвался Теламон. – А то я уж было подумал...

– Батюшки, до чего ж неотесанные они, греки эти, – проговорил Лаомедонт, наблюдая с высоких стен города, как корабль Геракла поднимает паруса и отчаливает. – Ни манер, ни стиля, ни *обращения*...

Гесиона взидала вслед отплывавшим судам с некоторым сожалением. Геракл ей понравился, и уж она-то не сомневалась: что бы там ни говорил отец, Геракл действительно спас ей жизнь. И друг его Теламон – тоже учтивый и обаятельный. Да и смотреть на него приятно. Потупилась Гесиона и вздохнула.

Возвращение Геракла

Царь Эврисфей Микенский и царь Лаомедонт Троянский – два дрянных сапога пара. И Лаомедонт от своей части сделки с Гераклом отказался, и Эврисфей. Вернувшись из Трои, Геракл совершил десятый (и, как ему казалось, последний) подвиг – переброску через все Средиземноморье громадного стада Герионовых рыжих коров, – да только Эврисфей заявил, что два предыдущих подвига не считаются и подвигов итого получится двенадцать¹⁶. Так сложилось, что прошло целых три года, прежде чем Геракл стряхнул с себя узы обязательств и взялся разбираться с коварством царя Лаомедонта, – за это время обида в героя лишь окрепла и сделалась горше.

Геракл быстро собрал армию добровольцев и подался флотилией из восемнадцати пентеконторов – пятидесятивесельных гребных судов – через Эгейское море. В порту Илиона он оставил Экла старшим по флоту и резервным силам, а сам вместе с Теламоном и основным воинством отправился сражаться с Лаомедонтом. Лазутчики предупредили подлого троянского царя о прибытии греков, и ему удалось перехитрить Геракла – покинуть Трою и обходным маневром напасть на Экла и корабли. Когда Геракл обнаружил, что про-

¹⁶ Незачтенными оказались подвиг номер два – Лернейская гидра и номер пять – Авгиевы конюшни. Подробнее см. «Герои», стр. 86 и 94.

исходит, Экла и резервное войско перебили, а силы Лаомедонта в сохранности вернулись за стены Трои и изготовились к долгой осаде.

В конце концов Теламону удалось сокрушить одни ворота, и греки хлынули в город. Они безжалостно прорубались ко дворцу. Геракл, чуть отставая, тоже проник в пролом и услышал, как его люди чествуют Теламона:

– Уж точно он величайший воин на свете!

– Слава Теламону, нашему вождю!

Такого Геракл вынести не смог. На него низошел этот его красный туман. Ревя от ярости, он ринулся вперед, желая отыскать и убить своего помощника.

Теламон, возглавлявший войска, почти вступил во дворец Лаомедонта, но тут сзади донесся шум. Зная своего друга и устрашающие последствия его припадков ревности, Теламон тут же бросился собирать камни. Когда подбежал запыхавшийся Геракл с палицей наперевес, Теламон громоздил камни один на другой.

– Тсс! – сказал Теламон. – Погоди. Я занят – алтарь строю.

– Алтарь? Кому?

– Да тебе, конечно же. Гераклу. В память о том, как ты спас Гесиону, как прорвал оборону Трои – твоей власти над людьми и чудищами, – и искусству боя.

– Ой. – Геракл опустил дубину. – Ну что ж, молодец. Очень хорошо. Я... да, очень разумно. Очень сообразно.

– Стараюсь как могу.

Рука об руку друзья взошли по ступеням царского дворца Трои.

Последовала ужасающая кровавая резня. Лаомедонта, его жену и всех сыновей убили – вернее, всех, кроме младшего – ПОДАРКА. Спасся тот в примечательных обстоятельствах.

Геракл с мечом и дубиной, с которых стекала кровь половины царственной династии Трои, оказался в спальне у Гесионы. Царевна стояла на коленях. Заговорила она очень спокойно:

– Забери мою жизнь, и да воссоединюсь я с отцом и братьями.

Геракл уже собрался было удовлетворить это пожелание, но в комнату вошел Теламон.

– Нет! Гесиону не трожь!

Геракл глянул на него удивленно.

– Чего это?

– Ты однажды спас ей жизнь. Зачем отнимать ее теперь? Кроме того, она красавица.

Геракл понял.

– Тогда забирай. Она твоя, делай с ней что хочешь.

– Если я ей люб, – сказал Теламон, – возьму ее на Саламин своей невестой.

– Но у тебя уже есть жена, – произнес Геракл.

Тут до слуха Геракла донесся шум из-под кровати.

– Вылезай, вылезай! – вскричал он, тыча туда мечом.

Возник мальчонка, перепачканный пылью. Собравшись с

духом, выпрямился во весь рост – уж сколько роста в нем было.

– Если суждено мне умереть, умру с готовностью, как гордый троянский царевич, – произнес он, однако достоинство сказанного несколько смазлось тем, что при этом мальчик чихнул.

– *Сколько* же у него сыновей вообще? – сказал Геракл, вновь заноса меч.

Гесиона закричала и вцепилась Теламону в руку:

– Не надо Подарка! Он так юн. Молю, владыка Геракл, молю тебя!

Но Геракл на уговоры не поддался.

– Юн-то он юн, однако сын своего отца. Безобидный парнишка способен вырасти в могучего врага.

– Позволь мне купить его свободу, – стояла на своем Гесиона. – У меня есть покров из золотой ткани – говорят, принадлежал он самой Афродите. Предлагаю его тебе взамен на жизнь и свободу моего брата.

И это не произвело на Геракла впечатления.

– Я его и так могу забрать. Вся Троя – моя по праву завоевания.

– При всем почтении, владыка, тебе тот покров не найти. Он лежит в укромном тайнике.

Теламон ткнул Геракла локтем.

– Стоит хотя бы взглянуть, как считаешь?

Геракл буркнул, ладно, мол, и Гесиона подошла к высо-

кому комоду с причудливой резьбой, стоявшему у кровати. Царевнины пальцы отстегнули скрытую защелку на задней стенке, и сбоку выдвинулся ящик. Гесиона извлекла из него отрез золотой ткани и протянула его Гераклу.

– Нет ему цены.

Геракл оглядел покров. Чудесно текла эта ткань свозь пальцы – почти как вода. Герой опустил громадную руку мальчику на плечо.

– Ну что ж, юный Подарк, повезло тебе, что твоя сестра любит тебя, – проговорил он и сунул покров себе за пояс. – А сестре твоей повезло, что мой друг царевич Теламон, кажется, влюблен в *нее*.

Геракл и его воинство покинули Трою, обращенную в руины. Победители забрали себе корабли троянского флота и нагрузили их всеми сокровищами, какие только поместились в трюмы. Гесиона, препровожденная на борт Теламоном, оглянулась на город, в котором родилась. Повсюду курился дым, стены рухнули в десятке мест. Троя, некогда прекрасная и сильная, лежала разметанная до щебня и кулившейся золы.

В городе же троянцы бродили по трупам и обломкам. Их внимание привлек юноша, еще совсем ребенок, – он стоял у уцелевшего храма с палладием: хотя бы его пощадили нападавшие. Уж не царевич ли Подарк это?

– Граждане Трои! – воззвал мальчик. – Не падайте духом!

– Как так вышло, что он жив?

– Говорят, спрятался под сестриной кроватью.

– Царевна Гесиона купила ему свободу.

– Купила?

– За золотой покров.

– *Выкупленный!*

– Да, – вскричал Подарк, – я выкупленный! Хотите – скажите, что это моя сестра, а хотите – что это боги. У всего есть причины. Я, Подарк, кровный потомок Троя и Ила, говорю вам: Троя восстанет. Мы выстроим ее заново, и будет она красивей, богаче, сильнее и величественней прежнего. Троя станет величайшим городом во всей истории человеческой. – Пусть и был он юн да замурзан, весь в пыли и грязи, троянцы все же не смогли не поразиться силе и убежденности в голосе царевича. – Не стыдно мне, что сестра купила мою свободу, – продолжал Подарк. – Возможно, придет время, и я докажу, что стоил того. Выкупив меня, как провижу я это, Гесиона выкупила саму Трою, ибо аз есмь Троя. Возмужаю я – и Троя возвысится к славе.

Нелепо такому юнцу быть столь самоуверенным, однако пареньку не откажешь: он был красноречив. Троянцы вместе с Подарком пали на колени и вознесли молитву богам.

С того дня Подарк стал вождем своего народа и управлял восстановлением их разрушенного города. Не заботило владыку, что прозывают его «тем, кого выкупили», – на троянском наречии «ПРИАМ». Со временем прозвание стало ему именем.

Оставим же юного Приама – пусть гордо возвышается он над пепелищем и разрухой Трои, – а сами отправимся за море, в Грецию. Там происходит такое, о чем имеет смысл знать.

Братья

С Теламоном мы расстались, когда он и невеста его Гесиона отправились на Саламин. В судьбе Трои Теламон и его семейство сыграли роль достаточно важную, чтобы обратить взгляд в глубь времен – на истоки той семьи. И вновь не приножу я вас запоминать все подробности, но проследить за ходом этих историй – предысторий, как они теперь именуется, – дело полезное, и все необходимое в памяти застрянет. Кроме того, истории эти просто замечательные.

Теламон и брат его ПЕЛЕЙ выросли на острове Эгина, в процветающей морской и торговой державе, расположенной в Сароническом заливе между Арголидой на западе и Аттикой, Афинами и материковой Грецией на востоке¹⁷. Их отец ЭАК, царь-основатель этой островной страны, был сыном Зевса и Эгины, водяной нимфы, подарившей острову свое имя. Мальчишки росли в царском дворце, к счастью, преданные друг другу настолько, насколько это бывает у братьев, – и, чуть менее к счастью, высокомерно своевольные, как полагается внукам Зевса. Их мать ЭНДЕИДА, дочь кентавра ХИРОНА и нимфы Харикло, души в сыновьях не чаяла; будущее сулило роскошь и легкую власть. Но, как обыч-

¹⁷ См. карту. Арголида – название городов-государств (иногда приблизительно объединяемых в конфедерацию) Коринфа, Микен, Тиринфа, Эпидавра, Трезена и Аргоса.

но, у мойр нашлись свои соображения.

Царь Эак отвернулся от Эндейды и увлекся морской нимфой ПСАМАФОЙ – и та подарила ему сына ФОКА. Как это бывает у стареющих отцов, царь Эак обожал младшее чадо свое – «утеху преклонных лет», как он любовно звал Фока. Сын стал пригожим и хорошо сложенным юношей, всеобщим любимцем во дворце. Эндейда с ролью брошенной первой жены смириться не смогла: ее поглотила ревнивая ненависть к Псамафе и ее ребенку, и ревность эту разделяли и единокровные братья мальчика Теламон и Пелей, кому в ту пору было уже слегка за двадцать.

– Вы поглядите на него, расхаживает по дворцу точно у себя дома... – шипела Эндейда, вместе с сыновьями наблюдая из-за колонны, как по коридору вышагивает Фок, изображая, будто трубит в рог.

– Если выйдет по-отцову, дворец *отойдет* Фоку, – проговорил Теламон.

– Гнусный маленький спиногрыз, – пробормотал Пелей, – надо бы его проучить.

– Нам под силу и не такое, – сказала Эндейда. Затем перешла на шепот: – Эак собирается устроить пентатлон в честь Артемиды. Сдается мне, нужно убедить малыша Фока участвовать. А теперь слушайте...

Никогда прежде Фок так не воодушевлялся. Пентатлон! И старшие братья подталкивают его участвовать. Ему всегда казалось, что он им не очень нравится. Может, все потому,

что он слишком маленький, на охоту с ними ему рано. Наверное, теперь считают, что он дорос.

– Предстоит тренироваться, – предупредил его Пелей.

– Ой да, – сказал Теламон. – Нельзя же тебе выставить себя болваном перед царем и придворными.

– Я вас не подведу, – пылко заверил их Фок. – Буду тренироваться все дни напролет, честно.

Укрывшись в рощице неподалеку, Теламон и Пелей наблюдали, как младший брат кидает диск в поле за дворцовыми стенами. Получалось у него до неприятного хорошо.

– Как такому карапузу удастся кидать так далеко? – проговорил Теламон.

Пелей взялся за свой диск и взвесил его на руке.

– Я смогу и подальше, – сказал он. Прицелившись, замахнулся, свернулся пружиной и выпустил диск. Тот плоско и стремительно рассек воздух и попал Фоку точно по затылку. Мальчик рухнул без единого звука.

Братья ринулись к нему. Фок был совершенно мертв.

– Несчастный случай, – прошептал переполошившийся Теламон. – Мы тренировались, а он оказался на пути у твоего диска.

– Даже не знаю, – побледнев, выговорил Пелей. – Нам разве поверят? Весь двор знает, до чего он нам не нравился.

Посмотрели на труп, переглянулись, кивнули и сжали друг другу предплечья, тем самым закрепляя бессловесные узы. Через двадцать минут они уже забрасывали сухой лист-

вой и веточками черную землю, под которой погребли тело своего единокровного брата.

Когда во дворце и окрестностях прошел слух о пропаже царевича Фока, никто не метнулся искать его с бóльшим рвением, нежели Эндеида и ее сыновья. Пока Эндеида гладила по руке ненавистную свою соперницу Псамафу и изливала обнадеживающие речи ей в уши, Теламон и Пелей шумно присоединились к поисковой суматохе.

Царь Эак выбрался на крышу дворца и голосом все более заполошным принялся выкликать с верхотуры имя возлюбленного юного сына своего, и клич его неся над полями и лесами во все стороны. Прервал его крики застенчивый кашель. К нему приблизился перемазанный грязью и сажей старый раб.

– Ты что тут делаешь?

Старик низко поклонился.

– Прости меня, владыка царь, я знаю, где юный царевич.

– Где?

– Я выхожу на эти крыши ежедневно, твое величие. Труд мой в том, чтобы крепить кровлю тростником и смолою. Примерно в полдень глянул я вниз и увидел. Я видел все.

Кровельщик отвел царя к тому месту, где братья захоронили Фока. Призвали Пелея и Теламона, они покаялись в своем преступлении, и изгнали их из родного царства.

Теламон в изгнании

Теламон перебрался на близлежащий остров Саламин – правил им царь КИХРЕЙ, сын морской нимфы Саламины, в честь которой остров и назвали¹⁸. Теламон Кихрею пришелся по нраву, и, как это по силам лишь царям и бессмертным, тот предложил очистить царевича от чудовищного кровавого злодеяния – братоубийства¹⁹. Вслед за этим он назначил Теламона своим преемником, отдав в жены дочь свою Главку. В свой черед, Главка родила мужу сына потрясающих размеров, веса и крепости, и назвали они его АЯКСОМ, – и придет день, когда имя это прогремит во всех уголках мира (обычно вместе с эпитетом «Великий»)²⁰.

¹⁸ Саламина была сестрой Эгине, а значит, Кихрей, получается... До чего же скверно разбираюсь я в узах родства... Сын сестры Теламоновой бабки – это кто? Сколько-то-юродный родственник, во всяком случае.

¹⁹ См. историю БЕЛЛЕРОФОНТА в «Героях» (стр. 167 и далее), а также и другие похожие сюжеты кровных убийств и их искупления царственным вмешательством.

²⁰ По другим версиям, Аякса Теламону родила дочь Кихрея Перибейя. Есть и такой источник, согласно которому матерью Теламону приходится Главка, а не Эндейда, однако нам нет нужды морочить себе голову всеми этими путанными подробностями. Главным будем считать то, что Теламон породил Аякса Великого. Имя *Аякс*, кстати сказать, – или *Аяс*, как его обычно произносят греки, – происходит от слова, означающего «оплакивать» или «горевать», хотя поэт Пиндар утверждает, что оно происходит от слова *аэнос* – «орел». Еще больше усложняет всю эту историю, как мы вскоре выясним, вот что: существовало *два* воина с именем Аякс/Аяс, и оба сражались за греков в Троянской войне; подробнее о

Нам уже известны позднейшие приключения Теламона – он помог Гераклу отомстить Лаомедонту. После разгрома Трои и убийства всей тамошней царской династии (за исключением Приама) Теламон вернулся на Саламин со своей наградой – Гесионой, с ней родили они сына ТЕВКРА, которому суждено было прославиться как величайшему из греческих лучников²¹.

С Теламоном более-менее разобрались. Он играет роль своего рода помощника при великих героях – Ясоне, Мелеagre и Геракле, но в сказании о Трое важен нам именно как отец Аякса и Тевкра. То же применимо и к его брату Пелею, но сын Пелея для нашей истории гораздо важнее, и рождение у него очень примечательное, а потому он заслуживает большего внимания.

них далее.

²¹ И вновь мы на минном поле ономастики – в историях греческого мифа двигаться следует на цыпочках: у троянцев тоже был свой Тевкр, один из царей-основателей Троады, предшественник Дардана.

Пелей в изгнании

Когда братьев изгнали из Эгины за убийство юного царевича Фока, Пелея занесло дальше, чем Теламона. Он пересек материковую Грецию и подался на север в маленькое царство Фтию в Эолии. Выбор тот неслучаен: земли Фтии были для Пелея наследными. Чтобы обнаружить связь между Эгиной на юге и Фтией на севере, нам нужно проникнуть еще дальше вглубь времени.

Как вы помните, отец Пелея Эак – сын Зевса и морской нимфы Эгины. ГЕРА, вечно ревнуя и неистовствуя из-за похждений мужа, выждала, пока Эак возмужает, а затем наслала на его остров мор, уничтоживший всех людей, кроме Эака.

Одиноким и несчастным Эак бродил по острову и молился отцу своему Зевсу о помощи. Уснув под деревом, он проснулся от того, что по лицу его шествовала колонна муравьев. Он огляделся и увидел, что вокруг него кишит целый муравейник.

– Отец Зевс! – вскричал Эак. – Пусть возникнет на этом острове столько смертных, сколько муравьев на этом дереве, чтоб был я не один.

Зевса он застал в хорошем настроении. В ответ на молитвы сына Царь богов превратил муравьев в людей, и Эак назвал их мирмидонянами – от *мирмекс*, что по-гречески озна-

чает «муравей». Со временем почти все мирмидоняне покинули Эгину и обжились во Фтии. Вот почему Пелей выбрал Фтию местом своего изгнания и искупления – чтобы воссоединиться с мирмидонянами²².

Царь Фтии ЭВРИТИОН, в точности как Кихрей Саламинский – Теламона, радушно принял Пелея, очистил его от скверны преступления, назначил преемником и выдал в жены дочь свою.

Женитьба на АНТИГОНЕ²³, рождение дочери Полидоры, высокое положение во Фтии как наследника престола мирмидонян, очищение от пролитой крови – жизнь у Пелея вроде бы налаживалась. Но они с Теламоном были слеплены из материи энергичной, беспокойной, и оседлая семейная домашность не устраивала ни того ни другого. За последующие годы братья отличились и на борту «Арго» в походе за Золотым руном, и далее, как и многие ветераны-аргонавты, они отправились в Калидон поучаствовать в охоте на чудовищного вепря, которого Артемида наслала разорять тамошние края²⁴. В разгар той легендарной погони копье Пелея пролетело мимо цели и смертельно ранило его тестя Эвритиона. Случайно или нет, вышло еще одно кровное преступление,

²² Здесь мы прощаемся с Эаком. Однако стоит отметить, что после смерти Эака Зевс его наградил (если можно это так назвать), назначив одним из трех Судей Преисподней – вместе с его критскими единокровными братьями Миносом и Радамантом. См. «Миф», стр. 194, и «Герои», стр. 207.

²³ Не путать с фиванской Антигоной, дочерью Эдипа. См. «Герои», стр. 362.

²⁴ Там же, стр. 324 и далее.

еще одно убийство родственника, и вновь Пелею понадобилось царское прощение.

Царем, предложившим очистить его на сей раз, оказался АКАСТ, сын Пелия, старого недруга Ясона, и теперь Пелей держал путь в эолийское царство Акаста – в Иолк²⁵. Запаситесь терпением, читатель.

К тому времени Пелей изжил в себе непривлекательные черты, из-за которых сыграл столь чудовищную роль в убийстве своего единокровного брата Фока: теперь Пелея считали скромным, доброжелательным и обаятельным человеком. Уж таким скромным, обаятельным и приветливым – и пригожим вдобавок, – что вскоре жену Акаста АСТИДАМЕЮ одолела к Пелею страсть. Однажды ночью она явилась к нему в опочивальню и сделала все возможное, чтобы соблазнить его, – но втуне. Астидамея прижималась к нему так и эдак, но Пелей застыл от ужаса – ничего другого приличия и не позволили б ему: он гость и друг Акаста. Любовь уязвленной отверженной Астидамеи превратилась в ненависть.

²⁵ Вы уже осознали, до чего способно путать обилие похожих слов и имен в этих историях. Пелея не путаем с Пелием – или с горой Пелион, которая вскоре станет Пелею домом. Гору, возможно, назвали в честь Пелея, хотя Пелионом она именуется в гораздо более ранней истории о гигантах, пытавшихся взгромоздить эту гору поверх горы Оссы (см. «Миф», стр. 339); само же слово означает «слякотный». Возможно, имя Пелия – родом он из тех же мест – имеет похожее значение. А может, греки считали Эолию необычайно слякотным уголком этого мира. Поскольку земли тут гористые, осадков выпадает больше, чем в остальной Греции. Другое возможное и менее обаятельное толкование этого слова – «темный цвет вытекшего содержимого кровеносных сосудов»...

Те из вас, кому известна история Беллерофонта и Сфенебеи или сына ТЕСЕЯ по имени Ипполит и Федры²⁶ – или, само собой, Иосифа и жены Потифара из Книги бытия, – знакомы и с мифологемой «отвергнутой женщины», и с тем, какова у этой мифологемы неизбежная развязка.

Горя от стыда, Астидамея отправила письмо жене Пелея Антигоне – та сидела дома во Фтии, растила их с Пелеем дочку Полидору.

«Антигона, пишу, дабы наставить тебя насчет супруга твоего Пелея, кого ты считала уж таким верным: он влюблен в мою падчерицу Стеропу. Воображаю, до чего болезненна тебе эта новость. Неприязнь к тебе Пелей никак не скрывал. Тело твое с тех пор, как ты родила, – так говорил он при дворе – теперь пухло и рыхло, как перезрелая фи́га, и невыносим ему вид твой. Уж лучше ты узнаешь это от меня, а не от того, кто желает тебе зла. Твоя подруга Астидамея».

Прочтя это письмо, Антигона вышла из дома и повесилась.

Но и такого чудовищного исхода не хватило мстительной Астидамее: отправилась она к своему супругу, склонив голову и давась рыданиями.

– О муж мой... – начала она.

– Что случилось? – спросил Акаст.

– Нет, не могу, не в силах сказать.

– Повелеваю тебе изложить, что печалит тебя.

²⁶ См. «Герои», стр. 178 и 467.

И полилась взхлеб ужасная история. Как похотливый Пелей явился к ней в опочивальню и попытался силою взять ее, Астидамею. Как она, отвращенная этим насилием, сообщила о неверности мужа Антигоне. Как Антигона в унижении и горе лишила себя жизни. Как желала она, Астидамея, утаить все это от Акаста, Акасту же так мил Пелей, однако Акаст вытянул из нее... ох батюшки, можно ль надеяться, что поступила она верно, рассказав ему обо всем?

Утешал Акаст жену, а сам мысленно настраивался быть неумолимым. Впрочем, он понимал, что необходима осмотрительность. Убить гостя – нарушить священный закон гостеприимства. Пелей, кроме того, еще и внук Зевса. Обижать его неблагоприятно. Тем не менее Акаст исполнился решимости погубить самонадеянного низменного злодея, посмевавшегося тронуть царскую жену.

Назавтра Акаст и его придворные взяли юного гостя с собой на охоту. Ближе к вечеру Пелей, утомленный погоней, нашел травянистую лужайку у темного леса и погрузился в глубокий сон. Подав знак, чтобы люди его затаились, Акаст подкрался к Пелею и забрал у него меч – мощное оружие, выкованное ГЕФЕСТОМ, им Пелея наделил сам Зевс. Акаст спрятал его в навозе неподалеку и вместе со своими спутниками, довольно ухмыляясь, тихонько удалился, оставив Пелея крепко спать. Акаст знал, что ночью эти места смертельно опасны из-за набегов кентавров – наполовину коней, наполовину людей, они уж точно наткнутся на Пелея и убьют

его.

И впрямь: не прошло и двух часов, как на опушке леса появился табун диких кентавров – они приняхались и уловили запах человека.

К слову сказать, у любого человека есть два дедушки²⁷. По отцовской линии у Пелея был Зевс, а по материнской – мудрый, ученый и благородный Хирон, бессмертный кентавр, бывший наставником у АСКЛЕПИЯ и Ясона²⁸. Так вышло, что в тот вечер Хирон оказался в табуне, появившемся из леса и поскакавшем к спящему Пелею. Хирон обогнал всех в галопе, разбудил Пелея и отыскал его меч. Проводив остальных кентавров, они обнялись. Пелей был Хирону любимейшим внуком.

– Я за тобой присматривал, – сказал кентавр. – Ты жертва большого злодейства.

От Хирона Пелей узнал, что натворила Астидамея, и горестно оплакал утрату Антигоны – а еще рассвирепел от несправедливости того, как с ним обошлись. Вернулся он во Фтию, воздвиг усыпальницу своей покойной жене Антигоне и возвратился в Иолк с армией лучших фтийских воинов – отборных мирмидонян. Акаста убили, злодейку Астидамею порубили в куски, а на престол взошел Фессал, сын Ясона, старинного друга Пелея. С тех пор Эолию стали называть

²⁷ ...если только вы не плод инцеста, разумеется.

²⁸ Асклепий – великий врачеватель, вознесен на небеса как бог медицины. См. «Миф», стр. 333.

Фессалией – так оно и поныне.

Пелей же не вернулся во Фтию жить-поживать царевичем и наследником престола – он принял приглашение Хирона пожить с ним в горной пещере и поучиться, сидя у стоп этого легендарного кентавра²⁹. Многой мудростью и знанием мог поделиться Хирон, и около года жизнь на горе Пелион шла своим тихим чередом. Но Хирон начал примечать в Пелее некое новое смятение, переросшее чуть ли не в печаль.

– Что-то беспокоит тебя, – произнес Хирон как-то вечером. – Поведай мне, в чем дело. Занятия наши ты посещаешь без прежней радости и рвения. Вперяешь взгляд в море, и в глазах у тебя растерянность. Все еще горюешь по Антигоне?

Пелей обратился к кентавру лицо.

– Вынужден признаться – нет, – отозвался он. – Другая это любовь.

– Но ты же никого не видел целый год.

– Я видел ее давным-давно. Когда был в морях с Ясоном. Но так и не смог забыть.

– Рассказывай.

– Ой, это все так глупо. Стоял я как-то раз ночью на корме «Арго». Видал ли ты когда-нибудь, как сияет из моря зеленый огонь?

– Нет у меня моряцкого опыта, – ответил Хирон.

– Да, разумеется. – Пелей улыбнулся, представив, как цокают и разъезжаются копыта Хирона по скользкой палубе. –

²⁹ Точнее – «у копыт».

Поверь тогда мне на слово: иногда по ночам в воде зажигается волшебный огонь.

– Несомненно, морские нимфы.

– Несомненно. Думаю, наверное, в ту ночь мыплыли как раз над морским дворцом самого Посейдона. Огни были особенно яркими. Я склонился поближе к воде, и из глубин возникло существо. Я никогда не видел никого и ничего прекраснее.

– А.

– Она глядела на меня, я глядел на нее. Казалось, прошла целая вечность. И тут воду потревожил дельфин. Чары развеялись, и девушка ушла на глубину. Я был как во сне... – Пелей умолк, вновь переживая те минуты.

Хирон ждал. Знал наверняка, что история тем не заканчивается.

– Возможно, тебе известно, – наконец вновь заговорил Пелей, – что фигуру на носу «Арго» вырезали из дерева, добытого в роще священных дубов Додоны, и у фигуры той был пророческий дар?

Хирон склонил голову в знак того, что эта хорошо известная истина знакома и ему.

– Я спросил у фигуры: «Кто это создание?» Фигура ответила: «Да это же ФЕТИДА, твоя будущая невеста». И это все, что мне удалось вызнать. Фетида. Я навел справки. Жрецы и мудрецы в один голос говорили, что есть морская нимфа с таким именем. Но кто она, Хирон? Во всякую ночь ее образ

возникает во снах моих – как возникла она тогда в волнах.

– Фетида, говоришь?

– Да. Так что же, слышал ты о ней?

– Слыхал ли я? Да мы родня. Двоюродные, по-вашему говоря. ТЕФИДА у нас общая бабушка³⁰.

– Правда ль, она?..

– Фетида в точности так же прекрасна и желанна, какой ты ее запомнил. Все боги в разное время подпадали под ее несравненное обаяние...

– Я так и знал! – простонал Пелей.

– Дай договорить, – продолжил Хирон. – Все боги подпадали под чары ее красоты – особенно Зевс. Однако много лет назад Прометей явил пророчество о Фетиде, и все боги и полубоги оставили любые попытки искать ее расположения.

– Какое-то проклятие?

– Для богов это и впрямь суровое проклятие, а вот для тебя, смертного, может, и нет. Прометей предсказал, что сын Фетиды, когда возмужает, превзойдет отца своего. Ты, думаю, понимаешь, у меня нет никаких сомнений, что не найдется такого олимпийца, кто пожелал бы себе сына, способного затмить – или тем паче свергнуть – отца. Урана, первого

³⁰ Тефида – одно из двенадцати первородных чад-титанов, отпрысков Урана и Геи; Понт, Таласса, Океан и Тефида – древнейшие божества морей и океанов (см. «Миф», стр. 28). В честь нее геологи называли древнее мезозойское море, когда-то покрывавшее земли, позднее ставшие Европой и западной Азией. [Это море в литературе на русском языке называется Тетис – такова одна из форм имени этой богини. – *Примеч. перев.*]

Владыку неба, сверж его сын Кронос, а Кроноса, в свою очередь, сбросил с престола *его* сын Зевс³¹, и у Зевса, будь уверен, нет ни малейшего желания выходить на тот же круг. Вопреки ее красоте и Зевсовой похотливой натуре, Царь небес оставил Фетиду в покое. Да и прочие олимпийцы не решались с нею соединяться.

Пелей захлопал в ладоши от радости.

– И все? Страх, что их сын возвысится над ними? Мне-то чего опасаться? Я стану гордым отцом того юноши, кто затмит меня в славе и доблести, чего ж не радоваться?

Хирон улыбнулся.

– Не все боги – да и не все люди, что уж там, – подобны тебе, Пелей.

Пелей отмахнулся от комплимента – если то был комплимент.

– Так или иначе, – проговорил он с легким унынием, поскольку в его мысли вернулась стылая действительность, – но моря бескрайне широки. Как же мне ее отыскать?

– А, вот в чем дело... Твой друг Геракл никогда не рассказывал тебе о своей встрече с ее отцом?

– С Океаном?

– Нет, Фетида – nereida³². Все произошло, когда Геракла

³¹ См. «Миф», стр. 43 и 66.

³² В греческом окончание – ид или – ида означает «потомок того-то» по отцовской линии. Отпрыски Нерее – nereиды, Океана – океаниды, Геракла – гераклиды и так далее. Матерью же Фетиде приходилась древняя морская богиня, чье имя, совершенно характерное женское в греческом языке, у современного чита-

отправили добыть золотые яблоки Гесперид, то был одиннадцатый его подвиг. Он понятия не имел, где их искать. Нимфы реки Эридан подсказали ему найти Нерέα, сына Понта и Геи. Но, как и Протей – да и вообще любые морские божества, – Нерей способен менять облик по своему желанию. Гераклу пришлось крепко стискивать старого морского бога в объятиях, пока тот превращался во всевозможных существ. Наконец силы старика иссякли. Он сдался и поведал Гераклу все, что тому было надобно знать. Дочка Нерея Фетида – такая же. Сдастся она лишь тому, кто удержит ее в тугих объятиях, сколько б ни превращалась она.

– Геракловой силы у меня нет, – промолвил Пелей.

– Но у тебя есть страсть, есть цель! – возразил Хирон, нетерпеливо притопнув копытом. – Что ты почувствовал, глядя на воду за кормой «Арго» и видя, как поднимается из глубин Фетида, – сильно ль то чувство, чтобы удержать ее?

– Сильно ль? – переспросил Пелей, а затем сам себе и ответил с удвоенной уверенностью: – Уж точно достанет в нем силы!

– Так отправляйся же на берег и позови ее.

теля вызывает улыбку: Дорида. [В европейских языках Дориду именуют Дорис; это довольно распространенное женское имя и предмет для шуток, поскольку, в частности, в известной детской словесной игре «Тук-тук! Кто там?» есть вариант ответа «Дорис» и дальнейшее развитие этой шутки, основанное на созвучии со словосочетанием *door is* (это дверь, *букв.* дверь есть). – *Примеч. перев.*]

Свадьба и яблоко

Вышел Пелей на берег Эгейского моря и стал звать Фетиду, пока не охрип. Со скал и гор медленно наплзали на пляж тени, словно сумрачный прибой, по мере того как ГЕЛИОС на своей солнечной колеснице укатывался за спиной у Пелея на запад. Вскоре поплыла по небу над головой у него СЕЛЕНА, изливая лунной своей колесницей серебристо-голубой свет на мокрый песок у стоп Пелея. Все смотрел и смотрел он в черные воды и сипло выкликал имя Фетиды. И вот наконец...

Пригрезилось ли ему или действительно восстал вдали из волн бледный очерк? Кажется, все крупнее он...

– Фетида?

Приблизилась она достаточно, чтобы достать до дна ногами. Двинулась по песку к Пелею, и лишь ленты водорослей прикрывали ее глянцевитую наготу.

– Что за смертный дерзает звать меня? О! – Так быстро она оказалась рядом с ним, что он отшатнулся в страхе. – Я знаю это лицо. Ты однажды ночью осмелился вперить в меня взгляд. Что было в том взгляде? Он меня растревожил.

– То была... любовь.

– Ах *любовь*. И это всё? Мне показалось, я заметила что-то еще, чему не знаю названия. И все еще вижу это.

– Судьбу?

Фетида расхохоталась, запрокинув голову. Влажная шея, украшенная, как ожерельем, тонкой нитью водорослей, показалась Пелею красивее чего угодно, что повидал он на белом свете. Упускать возможность нельзя. Он ринулся вперед и схватил Фетиду за талию. Вмиг ощутил он, как развело ему руки, и соскользнули они. Фетида исчезла – в объятиях Пелея оказался дельфин. Стиснул Пелей дельфина так крепко, что кровь запела у него в ушах, и чуть не завалился он вперед: держал Пелей теперь осьминога. Следом возникли угорь, скат, медуза, тюлень – и сверх того столько всяких морских существ, что Пелей потерял им счет. Не желая поддаться отвращению от устрашающе странного своего занятия, закрыл он глаза, встал покрепче, поднатужился и хватку не ослаблял, ощущая всевозможно шипастое, скользкое, шелковистое и мягкое, пока не услышал вздох и вопль. Истощенная непомерным расходом сил, потребных на то, чтобы столько раз сменить облик, да еще и так быстро, Фетида сдалась. Когда Пелей открыл глаза, Фетида обмякла у него на руках, вся заалевшая, загнанная.

– Я был прав, – нежно проговорил Пелей, – сие предназначено. Ты не побеждена. Не в моих ты руках – ты в руках МОРОСА³³. Мы оба.

И там, на влажном песке, он уложил ее и со всею ведомой ему любовью сделал своею.

³³ Греческое воплощение рока, или удела; см. «Миф», стр. 40. [Также Мор. – *Примеч. перев.*]

На Олимпе вздохнули с облегчением. Опасное пророчество Прометея теперь касалось только Пелея, который хоть и славный малый, благородный воин, прекрасный царевич и все такое, но едва ли тянул на первоклассного героя среди смертных, чтобы упоминать его в одном ряду с Тесеем, Ясоном, Персеем или Гераклом. Пусть себе породит ребенка, что превзойдет отца своего в величии. Кроме того, Пелей милый – как и Фетида.

Когда пара предварительно объявила миру, что вскоре Хирон поженит их в пещере на горе Пелион, все олимпийцы, да и вообще все боги, полубоги и малые божества ответили молодоженам любезностью и приняли их приглашение посетить событие, обещавшее быть последним грандиозным собранием бессмертных в истории.

Все боги, полубоги и малые божества?

Все – или *почти* все.

У Хирона в пещере места хватило лишь для самого кентавра, двенадцати олимпийских богов и нашей счастливой парочки. Вероятно, «счастливой» – сильно сказано, однако к той поре Фетида уже приняла свою судьбу. О пророчестве Прометея она знала, но пламя материнства, какого она в себе не подозревала, вспыхнуло в ней, сияло все ярче и теперь уж полыхало свирепым жаром. Ликовала Фетида от грядущей возможности носить в своем бессмертном чреве дитя, обреченное на величие.

Божественные почетные гости заняли свои места полукругом в недрах пещеры, Зевс – на троне посередине, по бокам от него – Гера и любимая дочь Афина. Прочие олимпийцы ссорились из-за остальных мест по сторонам и сзади и вели себя как избалованные дети. ДЕМЕТРА, самая нетщеславная, сидела себе тихо в заднем ряду вместе с дочерью Персефоной, царицей Преисподней, уполномоченной представлять и Аида, – тот никогда не выбирался в надземный мир. Близнецы Аполлон и Артемида вытеснили Посейдона и Ареса с мест впереди, Афродита решительно протолкалась поближе к Гере, а та чопорно склонила голову, здороваясь с Гермесом – тот, смеясь, вошел вместе с ДИОНИСОМ и хромым Гефестом. Когда олимпийцы наконец устроились со всем достоинством, на какое были способны, Хирон пригласил внутрь старших полубогов и титанов и разместил их стоя, уж где нашлось в пещере место, оставив посередине проход, по которому приблизятся к нему жених с невестой. Снаружи, у входа в пещеру, на траве расселись нимфы морей, гор, лесов, лугов, рек и деревьев, и все перешептывались, чуть ли не с ума сходя от предвкушения. Столь полного собрания бессмертных в одном месте не случалось со времен установления Двенадцати на горе Олимп³⁴. Здесь были все.

Или почти все...

Козлоногий бог ПАН скакал себе со своей ватагой сатиров, дриад и гамадриад, выдувая мелодию столь пронзитель-

³⁴ См. «Миф», стр. 153.

ную для божественных ушей, что Гермеса услали из пещеры, чтобы он, во имя Зевса, унял своего буйного сына.

– То-то же, – проговорил Гермес, ероша жесткую шерсть у Пана между рогов, – теперь все мы удостоимся чести слушать, как Аполлон тренькает на моей лире³⁵.

Ближе всех к выходу из пещеры оказались океаниды и nereиды. Кто-то из их рода уже выходил замуж за смертного героя, ничего особенного – многие морские нимфы сочетались браком с титанами или даже с богами, – однако никогда прежде подобный союз не осеняли своим присутствием все божества.

Или почти все...

Боги наделили пару достославными дарами. Особо стоит отметить пару великолепных лошадей – Балия и Ксанфа, подарок морского бога Посейдона³⁶. Балий – серый в яблоках, близнец его Ксанф – гнедой, паслись они у пещеры, когда внезапный звон напугал их, и они тревожно заржали.

ГЕСТИЯ, богиня домашнего очага, ударила в гонг и провозгласила начало церемонии. Собрание затихло. Боги устроились поудобнее; те, что в первом ряду, болтавшие с теми, кто сзади, теперь развернулись и смотрели вперед с видом торжественным и сосредоточенным. Гера расправила одеянье. Зевс выпрямился, голова и подбородок вздеты, бо-

³⁵ Лира – изобретение вундеркинда Гермеса в день его рождения. См. «Миф», стр. 148.

³⁶ Посейдон вообще считается «изобретателем» лошади.

рода указывает на вход в пещеру. Словно бы вслед за Зевсом все в пещере поворотились в ту же сторону.

Нимфы затаили дыхание. Затаил дыхание весь мир. До чего величественны были боги, до чего царственны, до чего могущественны, до чего безупречны.

Рука об руку Фетида с Пелеем медленно вступили в пещеру. На этот краткий звездный миг брачующаяся пара, как им и полагается, затмила всех гостей – даже самих богов Олимпа.

Прометею в глубине пещеры смотреть на все это едва хватало сил. Его провидческий ум не способен был разглядеть подробности того, что сулило будущее, однако он не сомневался: это собрание – последнее в своем роде. Само величие и слава церемонии прочили некий крах. Миг, когда цветы и плоды наливаются зрелостью, предшествует распаду, гниению, смерти. Прометей чуял, как надвигается буря. Сказать, как или почему случится она, он не мог, однако знал: это свадебное празднество – предвестие той бури, как и дитя Пелея с Фетидой. Грядущая буря пахла металлом, как это бывает в предгрозовом воздухе. Пахла медью и оловом. Смертная кровь тоже пахла медью и оловом. Медь и олово. Бронза. Металл войны. У себя в голове слышал Прометей, как гремит бронза о бронзу, видел, как струится повсюду кровь. Но синело небо над пещерой, а все лица, кроме Прометеева, сияли радостью.

И вот уж все, кроме олимпийцев, поднялись, и Пелей с

Фетидой прошли вглубь пещеры, он – с горделивой улыбкой, она – с милой застенчивостью.

«Я чересчур много думаю, – сказал себе Прометей. – Просто голова разболелась. Взгляни, как они счастливы – все бессмертные».

Все?

Прометею никак не удавалось избавиться от мыслей, что кого-то не хватает...

Гестия умастила брачующуюся пару маслами, а сын Аполлона Гименей спел славу богам и блаженству супружеского союза. Не успела Гера усесться после того, как благословила молодых, как от входа в пещеру донесся шум. В вихре замешательства рассыпалась толпа нимф и дриад, и явилось единственное не приглашенное божество. Образ ее вырисовался лишь силуэтом, однако Прометей признал ее сразу – то была ЭРИДА, богиня раздора, споров, несогласий и неразберихи. Прометей понимал: приглашать ее на свадебные торжества означало навлекать размолвки. Но *не* приглашать – навлекать катастрофу.

Собравшиеся расступились, Эрида прошагала на середину полукруга олимпийцев на тронах. Сунула руку под плащ. Что-то круглое и яркое покатилося по земле и замерло у ног Зевса. Эрида развернулась и ушла тем же путем, что и явилась, сквозь толпу замерших, оторопевших гостей. Не промолвила ни слова. Столь стремительны и внезапны были ее появление и уход, что некоторые в пещере подумали, уж не

помстилось ли им все это. Однако предмет у ног Зевса был вполне настоящим. Что же это?

Зевс склонился и поднял его. Яблоко. Золотое яблоко³⁷.

Зевс осторожно повертел его в руках.

Гера смотрела из-за его плеча.

– На нем что-то написано, – резко сказала она. – Что?

Нахмурился Зевс и вгляделся в золотую поверхность яблока.

– Тут написано: «Прекраснейшей»³⁸.

– Прекраснейшей? Эрида премного почтила меня. – Гера выставила ладонь.

Уже собрался Зевс послушно отдать яблоко жене, как с другой стороны послышался негромкий голос:

– Весь белый свет согласится, Гера, что яблоко это положено мне.

Взгляд серых глаз Афины вперился в карие очи Геры.

Серебристый всплеск смеха донесся сзади, и *свою* руку выставила Афродита.

– Давайте не будем глупить. Только к одной из нас применимо «прекраснейшая», как ни крути. Отдай мне это ябло-

³⁷ Одно из золотых яблок Гесперид. Эти волшебные плоды сыграли свою роль в завоевании Аталанты Гиппоменом, а также в одиннадцатом подвиге Геракла (см. «Герои», стр. 126 и 343). Поскольку изначально они были свадебным подарком от Геи, первородной богини Земли, ее внукам Зевсу и Гере, появление такого яблока на последней великой свадьбе Олимпийской эпохи зловеще замыкает круг.

³⁸ *Те каллисте* – «прекраснейшей»; *каллос* по-гречески – «прекрасный», как в словах «калистеника», «каллиграфия» и проч.

ко, Зевс, ибо никакая другая тут подразумеваться не может.

Зевс поник главою и глубоко вздохнул. Как ему выбрать между возлюбленной могущественной Герой, обожаемой любимой дочерью Афиной и своей теткой, самой великой богиней любви Афродитой? Он крепко стиснул яблоко и пожалел, что вообще здесь оказался.

– Выше нос, отец. – Перед Зевсом возник Гермес, ведя за собой упиравшегося Ареса, бога войны. – Тебе нужен тот, кому все мы сможем доверять, – он и рассудит, и от твоего имени вручит яблоко, верно? Так вот, мы совсем недавно познакомились с таким человеком, правда, Арес? Это юноша с суждением честным, непредвзятым и безупречно надежным.

Зевс вперился в сына.

– И кто же он?

Сон царицы

Чтобы узнать, кто это, отправимся за Эгейское море и вновь окажемся на равнине Илиона. Трою мы оставили, как вы помните, в дымящихся руинах. Мужскую линию Ила, Троя и Лаомедонта пресекла мстительная сила Геракла и Теламона. И лишь младший в этой линии – Подарк – избежал кровавой гибели. Оставив в живых Подарка – впоследствии мир стал именовать его Приамом, – Геракл пощадил незаурядного царевича, из которого вырос выдающийся правитель.

В величественном острове грандиозных стен и ворот, возведенных Аполлоном и Посейдоном, Приам взялся восстановить Трою вокруг храма палладия, который Геракл с Теламоном из уважения к Афине тоже пощадили. Приам оказался прирожденным вожаком, внимательным к деталям; он глубоко разбирался в устройстве торговли и обмена – ныне мы называем это экономикой, коммерцией и финансами. Расположение города у входа в Геллеспонт – пролив, по которому и на восток, и обратно география вынуждала двигаться всех мореходов, – предоставляло Трое огромные возможности для обогащения, и возможности эти царь Приам использовал умело и дальновидно. Налоги и пошлины потекли в казну царства, и крепло его величие и богатство. Даже если б не деньги от торговли с далекими царствами, бла-

госостояние Трои прирастало бы плодородием земель у горы Иды. Коровы, козы и овцы на горных склонах обеспечивали молоко, сыр и мясо, а низины, напоенные реками Кебрен, Скамандр и Симос, что ни год, заполняли амбары, хранилища и склады зерном, оливками и фруктами в таком изобилии, что голод не грозил ни единому троянцу.

Башни нового дворца Приама высились над стенами города и сверкали на солнце, сообщая всему миру, что Троя, жемчужина Эгейского моря, – величайший город на белом свете, и правит им могущественный царь, и процветает царство его под опекой богов.

Царицу Приама звали ГЕКУБА³⁹. На заре их брака она подарила Приаму сына и наследника – царевича ГЕКТОРА.

Через год с небольшим забеременела она вновь. Однажды утром, когда до родов оставалось совсем недолго, она проснулась в поту и премного расстроенная увиденным красочным и необычным сном. Она описала его Приаму, а тот немедля призвал самого доверенного предсказателя и про-

³⁹ Происхождение Гекубы спорно. Судя по всему, любимым развлечением римского императора Тиберия было загонять в тупик книжечеев, спрашивая у них, как звали мать Гекубы. «Ха! Слабо!» – похохатывал он, согласно историку Светонию и его книге «Жизнь двенадцати цезарей». Во многом ради признания кажущейся «полноты» греческого мифа эта история должна быть известна шире. Уверенность, что все до единой связи в *настоящей*, исторической династии можно установить, чрезмерна; ожидать же подобного знания о мифологическом семействе само по себе абсурдно, однако таково обаяние греческой мифологии и это чарующее качество достоверности...

видца ЭСАКА, сына от своего первого брака⁴⁰.

– Страннейшее увидела я – и необычайно тревожное, – произнесла Гекуба. – Приснилось мне, что рожая не ребенка, а факел.

– Факел? – переспросил Эсак.

– Факел, горевший ярким пламенем. Как головня, понимаешь? И видела я, как бегу с этим факелом по улицам и переулкам Трои и все вокруг меня занимается огнем. Означает ли это, что рожать мне болезненнее, чем в прошлый раз? Или... – проговорила она с надеждой в голосе, – может, это значит, что моему ребенку суждено озарить мир пламенем славы и доблести?

– Нет, твое величие, – тяжело вымолвил Эсак, – не значит оно ни того ни другого. Значит оно нечто совсем иное. Значит оно...

Голос его затих, Эсак потербил полу плаща нервными пальцами.

– Не бойся, говори, – сказал Приам. – Твой дар у тебя не просто так. Что б ни сказал ты, нам хватит ума не винить тебя за сказанное. Что же говорит нам этот сон о нашем ребенке и его судьбе?

Эсак вдохнул поглубже и затараторил, словно бы стараясь навсегда исторгнуть слова с уст и изгнать из ума.

– Он говорит нам, что... ваш ребенок станет всем нам по-

⁴⁰ От Арисбы, дочери провидца Меропа, царя Перкоты, города на северо-востоке от Трои.

гибелью, причиной полного уничтожения этого города – и всей нашей цивилизации. Говорит нам этот сон, что если ребенок из чрева твоего доживет до мужской зрелости – ибо известно, что это мальчик, – Троя сгорит дотла и никогда больше не восстанет. Илион сделается всего лишь воспоминанием, горелой страницей в книге истории. Вот о чем сообщает нам царицын сон.

Приам с Гекубой вперились в Эсака.

– Оставь нас, сын, – произнес Приам после долгого молчания. – Помни: ты поклялся хранить тайну.

Эсак, склонившись, ушел из покоев. Поспешил прочь из города, ни словом не обмолвившись ни с единой душой. Бежал он и бежал в глухомань к своей возлюбленной Гесперии, дочери речного бога Кебрена.

Больше в Трою он не вернулся. Вскоре после того сна Гекубы Гесперия умерла от укуса ядовитой змеи. Безутешный Эсак бросился со скалы в море. Древняя богиня Тефида жалась над ним, и не успел он удариться о воду, как превратился в морскую птицу. Та птица в горе своем все ныряет и ныряет в глубины, вечно повторяя самоубийство.

Мальчик, который выжил⁴¹

Приам и Гекуба ставили Трою превыше всего. Превыше любви, здоровья, счастья и родства. Не для того строили они этот город, чтобы подвергать его угрозе разрушения. Пророчество Эсака, окажись оно правдой, представлялось жестоким, случайным и ничем не накликанным, однако Мойры ни милосердием, ни справедливостью, ни здравомыслием не славились никогда. Будущее Трои превыше всего. Ребенок должен сгинуть.

Схватки у Гекубы начались в тот же день. Когда ребенок родился (Эсак не ошибся – то действительно был мальчик), он жмурился, лепетал и лучился улыбкой с таким обаянием и так безупречно был красив, что не поднялась у родителей рука его удавить.

Приам вглядывался в улыбочивое лицо сына.

– Нужно послать за АГЕЛАЕМ, – сказал царь.

– Да, – сказала Гекуба. – Только он, и никто другой.

Агелай, старший пастух при царском дворе, стерегший скотину на склонах горы Иды, к счастью, не играл никакой роли ни в городской политике, ни в дворцовых интригах. Был он предан царю, ему доверяли, и он умел хранить тайны.

Поклонился Агелай царю и царице, не в силах скрыть

⁴¹ Отсылка к названию первой главы романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». – *Примеч. перев.*

изумления от вида младенца на руках у Гекубы.

– Не слышал я счастливых вестей – о приходе в мир нового царевича или царевны, – молвил он. – В колокола не били, глашатаи рождение не объявляли.

– Никто и не знает, – сказала Гекуба. – И не узнает пусть никогда.

– Этот ребенок должен умереть, – проговорил Приам.

Агелай вытаращился.

– Владыка?

– Ради Трои, – сказала Гекуба. – Забери его на гору Иду. Убей быстро и милосердно. Предай тело загробному миру со всеми положенными молитвами и жертвоприношениями.

– А когда свершишь все, принеси нам доказательство того, что ребенок мертв, – добавил Приам. – Лишь когда мы узнаем, что дело сделано, станем скорбеть.

Агелай посмотрел на царя и царицу: оба они рыдали. Открыл было рот, да слова не шли.

– Не стали б мы просить тебя ни о чем столь чудовищном, – сказал Приам, опуская ладонь на плечо пастуху, – сам знаешь, не стали б, если б не зависела от этого жизнь всех нас.

Агелай забрал ребенка из рук Гекубы, уложил его в кожаную котомку, что носил за спиной, и отправился к себе в каменную хижину на склоне горы Иды.

Глядя на милое личико ребенка, Агелай понял, что убить такую совершенную красоту он в силах не более, чем Приам

или Гекуба. А потому забрался выше границы леса и оставил нагое пищавшее дитя в каменистой расщелине на холодном горном склоне.

– Скоро явятся дикие звери и совершат то, что не под силу мне, – проговорил он сам себе, бредя угрюмо домой. – И никто не сможет сказать, что Агелай убил царское чадо.

Не успел он исчезнуть из виду, как откуда ни возьмись появилась медведица; привлеченная незнакомыми звуками и запахами, она принюхивалась и облизывалась.

Уж так распорядилась удача... Удача ли? Нет, Судьба, Провидение, Предназначение... а может, Рок, но не Удача, точно не Удача, – как Провидение распорядилось, стало быть, тем же утром стая волков отняла у медведицы медвежонка. Склонилась она, лизнула попискивавшего младенца громадным языком, подобрала и прижала к груди.

Через несколько дней Агелай вскарабкался на то место – осмотреть останки и добыть какое-нибудь подтверждение для царя и царицы, что сын их мертв.

Не поверил Агелай глазам своим, увидев младенца – бодро пускавшего слюни, здорового и довольного.

– Жив! Румян да пухл, как призовой поросенок! – Забрал он ребенка и сунул к себе в котомку. – Раз боги желают тебе жизни, кто я такой, чтоб перечить богам?

Закинул он котомку за спину и собрался уйти, но тут из-за валуна воздвиглась здоровенная медведица и преградила пастуху дорогу. Агелай застыл в ужасе, а медведица уже не

рычала – она ревела; однако младенец высунул голову, улыбочиво залепетал, и медведица тут же опустилась на все четыре лапы, исторгла долгий, громкий и скорбный вой, после чего убрела прочь.

Вернувшись к себе в лачугу, Агелай положил ребенка на стол и заглянул ему в глаза.

– Проголодался, малыш?

Налил козьего молока из кувшина в плотный шерстяной мешочек и поднес его к губам младенца. Смотрел, как ребенок сосет и насыщается, пока не наелся тот до отвала.

Никаких сомнений уже не осталось: Агелай вырастит его как собственного, но сперва нужно выполнить обещание, данное Приаму и Гекубе. Они требовали доказательств, что ребенок их сгинул.

Так вышло, что лучшая овчарка Агелая в то самое утро принесла пятерых щенков; один держался еле-еле, сил бороться за место у соска ему не хватало, как пить дать издохнет к концу дня. Агелай забрал этого заморыша, быстренько утопил его в корыте и отрезал язык.

Перед тем как отправиться в Трою, взглянул Агелай напоследок на своего подопечного.

– Побудь тут, мой мальчонка из котомки, – прошептал он. – Я ненадолго.

Приам с Гекубой глянули на отсеченный язык, и глаза их налились слезами.

– Забери и похорони с прочими останками, – молвила Ге-

куба. – Все положенные жертвы принес?

– Все сделал как дóлжно по законам.

– Будет сказано, что царский сын умер, едва родившись, – сказал Приам. – Погребальные игры в его честь пусть происходят в этот день отныне и вовек.

Хитроглазый пастух

Остальным пастухам Агелай сказал, что ребенка, которого он растит, оставили на ступенях маленького храма Гермесу, что стоял у подножия горы. Поверили ему без труда – такое случалось довольно часто. Тщетно пытаясь измыслить имя приемышу, Агелай продолжал звать его «котомочкой». По-гречески это будет *пера*, и имя мальчика, пока он рос, невесть как превратилось в ПАРИСА.

На склонах горы Иды Парис вырос в красивого и необычайного умного мальчика, юношу, молодого мужчину. Ни один пастух не стоял крепче за свое стадо или, конечно же, за отца своего и других скотоводов. Когда была очередь Парису следить за стадами, ни телята, ни ягнята, ни козлята не доставались волкам и медведям, никакие скотокрады или разбойники не посягали на его пастбища. Среди жителей тех мест заслужил он себе и другое имя – АЛЕКСАНДР, или «защитник людей».

Вскоре Парис познакомился с ореадой – горной нимфой – ЭНОНОЙ, дочерью речного бога Кебрена⁴², и влюбился в нее. Они поженились, и казалось, что суждена этой паре райская идиллия.

Житейские пристрастия Париса были просты и немногочисленны – красавица Энона да благополучие скотины, за

⁴² То есть Энона – сестра Гесперии, возлюбленной Эсака.

которой он следил при отце (как он считал) Агелает. Особенно он гордился быком из своего стада – громадным белым зверем с безупречно симметричными рогами и чудеснейшей густой и кучерявой челкой.

– Ты, – говорил он быку, с нежностью похлопывая животное по боку, – лучший бык на всем белом свете. Если увижу прекрасней, клянусь, поклонюсь ему и увенчаю золотом. Даже у богов нет быка столь же красивого, как ты.

Так вышло, что бог Арес, обожавший Трою и ее жителей, услышал эту похвальбу и донес о ней Гермесу.

– Глупый смертный считает, будто этот бык красивей наших.

– О! – воскликнул Гермес. – Чую я тут каверзу.

– Каверзу? – переспросил Арес.

– Забаву, шалость, шутку. Всего-то и надо: ты превратишься в быка, а остальное предоставь мне.

Гермес в общих чертах обрисовал суть розыгрыша, и на лице бога войны расплылась улыбка.

– Вот мы проучим негодника, – проговорил он, изготовившись к превращению. Неуютны были Аресу пастухи и землепашцы. Прохлаждаются на полях, а могли бы сражаться и убивать.

В тот самый миг в травянистых предгорьях Иды Парис и впрямь прохлаждался на поле. Точнее сказать, крепко спал. Разбудила его тень, павшая ему на лицо. Он глянул вверх и увидел, что стоит над ним некий юный пастух, а в глазах у

него хитринка.

– Чем могу служить?

– Ты же Парис, верно?

– Верно. А ты кто будешь?

– Ой, да я скромный гуртовщик. Слышал я о твоём первоклассном быке, какого ты считаешь непревзойденным.

– Я *знаю*, что он непревзойденный, – поправил его Парис.

– Слышал я даже, что ты увенчаешь золотом любую животину, что окажется краше?

– Говорил я такое, да, – растерянно признался Парис, – но не думал, что меня слышат.

– А, ну если ты не всерьез... – И гуртовщик собрался уйти.

– Всерьез, – сказал Парис.

– Тогда жди здесь, я приведу своего, – молвил гуртовщик, – сдастся мне, ты пожалеешь о своей похвальбе.

Гермес – ибо то был, разумеется, он – ушел и привел Парису своего быка, с громадным удовольствием хлопая его по крупу и подхлестывая по спине хлыстом, – с воинственным и вспыльчивым богом войны на такое обычно не отваживался ни один олимпиец.

В тот же миг, как увидел Парис Ареса-Быка, признал он, что этот зверь крепче, белее, красивее и во всех отношениях привлекательнее, чем даже его первоклассное животное.

– Не верю глазам своим, – произнес он, любуясь толстой шкурой и блестящими рогами. – Я думал, с моим ни один нипочем не сравнится, но этот красавец... – С этими слова-

ми опустился Парис на землю и принялся рвать в траве чистотел, акониты и лютики. – Золотой венец мой – лишь венок из желтых цветков, – сказал он Гермесу, устраивая венок на рогах у быка. – Но дай время: я накоплю богатство, отыщу тебя и вознагражу настоящим золотом.

– Пустяки, – сказал Гермес, кладя руку Парису на плечо и улыбаясь. – Твоя искренность уже достаточная награда. Штука это редкая и прекрасная. Реже и прекраснее даже, чем мой бык.

Суд

Шло время; мимоходом рассказав Эноне о замечательной красоте неведомого быка как о примере того, что чудес на белом свете куда больше, чем отыщется на склонах одной горы, Парис выбросил тот случай из головы. А потому более чем удивился, пробудившись вскоре после той встречи от приятного дневного сна, когда вновь упала ему на лицо тень; сел он, вскинув лицо к солнцу, притенив глаза ладонью, и увидел перед собой все того же юного гуртовщика.

– Ох ты батюшки, – проговорил Парис. – Надеюсь, ты не за венцом золотым явился уже?

– Нет-нет, – сказал Гермес. – Я пришел кое за чем другим. Принес тебе послание от отца моего Зевса – он зовет тебя оказать ему громадную услугу.

Изумленный Парис рухнул на колени. Теперь-то он разглядел – как удалось ему не увидеть этого в прошлый раз? – что лицо у юноши сияло так, как не бывает у смертных. И как не заметил Парис живых змей, что обвивали посох гуртовщика, – или крыльев, что трепетали у него на сандалиях? Это же Гермес, посланник богов, и никто иной.

– На что пригоден я, бедный скотовод и пастух полевой, Царю небес?

– Для начала встань-ка с колен, Парис, и идем со мной.

Парис встал и последовал за Гермесом через редкую ро-

щицу. Бог показал на лужайку, испятнанную солнечными бликами, и Парис разглядел на ней три сияющие женские фигуры. Он тут же понял, что это бессмертные. Великие бессмертные. Богини. Олимпийские богини. Замер он, попытался заговорить – но сумел лишь пасть на колени.

– Ишь какой падкий, – проговорил Гермес. – Вставай, Парис. Твою искренность и незамутненное суждение признали выдающимися. Они нам сейчас нужны. Возьми это яблоко. Видишь, что тут написано?

– Я не умею читать, – проговорил Парис и зарделся. – Не научился.

– Не беда. Тут написано «Красивейшей». Тебе предстоит решать, которая из этих трех достойна получить это яблоко.

– Но я... я же просто...

– Этого желает мой отец.

Гермес все еще улыбался, но что-то в его голосе со всей ясностью сообщило: отказа он не примет. Парис взял яблоко в дрожащие руки. Оглядел три женские фигуры. Никогда прежде не видал он такой красоты. Энона его была прекрасна – сама дочь бессмертного. Полагал Парис, что никакая красота не сравнится с ее. Но он и о быке своим думал то же самое.

Шагнула к нему первая богиня. Он узнал ее по пурпурному шелку, павлиньим перьям в уборе на голове, по изящным скулам, по величию и горделивой царственности – это могла быть только Гера, сама Царица небес.

– Отдай яблоко мне, – проговорила Гера, подойдя близко и заглядывая Парису в глаза, – и обретишь владычество над всеми людьми. Царства и провинции по всему белу свету окажутся под твоим началом. Имперское господство, богатства и державность, каких не бывало ни у одного смертного. Твое имя прогремит в истории – император Парис, уважаемый, почитаемый и любимый всеми, подчинивший всех.

Парис изготавился вложить яблоко прямиком в ее протянутую ладонь – столь очевидно принадлежала ей награда по праву. Красота Геры наполнила Париса благоговением и почетом, а плата, которую ему предлагала богиня, наделила бы Париса всем, о чем только мечтал он, – и не только. Где-то глубоко внутри он всегда чувствовал, что суждено ему величие, суждены власть и слава. Гера всем этим его наделит. Пусть яблоко достанется Гере. Но Парис осознал, что должен быть справедливым и позволить двум другим богиням хотя бы заявить свое участие, какими бы нелепыми ни были эти заявки по сравнению с предложением Царицы небес.

Парис взглянул на вторую богиню – та теперь шла к нему, и суровая улыбка играла на ее устах. На поверхности щита, который несла та богиня, – силою некоей уловки, непонятной Парису, – виднелся яростный и напуганный оскал Медузы. Одна лишь эта эгида подсказала ему, что богиня перед Парисом – Афина Паллада, и слова ее подтвердили эту уверенность.

– Поднеси яблоко мне, Парис, и я дам тебе кое-что боль-

шее, чем власть и владения. Я предлагаю тебе мудрость. С мудростью приходит все остальное – богатства и власть, если пожелаешь, покой и счастье – если выберешь их. Будешь проницать ты сердца мужчин и женщин, темнейшие уголки космоса и даже дела бессмертных. Мудрость создаст тебе имя, какому никогда не исчезнуть с лица земли. Когда все цитадели и дворцы великих рассыплются в прах, твое знание и мастерство в искусствах войны, мира и самой мысли возвысят имя Париса превыше звезд. Сила ума сокрушает мощнейшие копья.

«Что ж, слава небу, я не отдал яблоко сразу Гере, – подумал Парис. – Тут предлагают награду выше любых наград. Она права. Конечно же, она права. Мудрость – первым делом, а власть и богатство наверняка последуют. Кроме того, что толку во власти без проницательности и ума? Яблоко должно достаться Афине».

Но остановил он себя и не вручил яблоко, только вспомнив, что необходимо выслушать еще одну соискательницу.

Третье видение шагнуло к нему с томно склоненной головой.

– Не могу предложить я тебе ни мудрости, ни власти, – тихонько произнесла она.

Подняла она лицо – и Париса ослепило увиденное. Никогда прежде не падал его взгляд ни на что столь же непревзойденно светозарное.

– Меня зовут Афродита, – произнесло это виденье, за-

стенчиво глядя на Париса из-под ресниц. – Не мудра я и не хитра, увы. Не смогу обеспечить тебя ни золотом, ни славой. Подвластны мне лишь одни владения – любовь. Любовь. Столь малой кажется она по сравнению с империями на суше и на море – или с империями ума, верно? И все же, сдается мне, ты мог бы согласиться, что любовь, столь незначительная и бестолковая, – зачем она вообще нам нужна? – возможно, достойна внимания. Вот мое тебе предложение...

В руках Афродита держала створчатую раковину – и вот протянула она ее Парису. Он помедлил, богиня ободряюще кивнула.

– Возьми, открой, Парис.

Парис послушался; внутри раковины, подвижный и живой, вспыхнул переливчатый образ самого упоительного, чарующего, завораживающего лица, какое Парису доводилось видеть. То был лик молодой женщины. Пока глядел он в раковину, женщина вскинула подбородок и словно бы вперилась прямоком Парису в глаза. Улыбнулась – и Парис чуть не утратил равновесие. К щекам прихлынуло пламя; в сердце, в горле, в голове и в животе застучало так сильно, что, казалось, Париса сейчас разорвет. Сама Афродита выглядела сногшибательно, однако при виде нее глазам делалось едва ли не больно и хотелось отвернуться, а вот от этого зрелища хотелось нырнуть внутрь раковины.

– Кто... кто... кто? – только это смог он выговорить.

– Ее зовут ЕЛЕНА, – ответила Афродита. – Если яблоко

достанется мне, Елена достанется тебе. Всю себя посвящу я тому, чтобы соединить вас. Стану защищать вас обоих и вечно оберегать ваш союз. Вот тебе моя клятва – и нарушить ее нельзя.

Не задумываясь ни на миг, Парис сунул яблоко Афродите в руки.

– Награда – твоя! – хрипло молвил он и, повернувшись к остальным, добавил: – Простите меня, надеюсь, вы поймете...

Но Гера с Афиной, одна из них – насупившись, а вторая – печально покачивая головой, взмыли в воздух и скрылись с глаз. Парис, повернувшись поблагодарить Афродиту, увидел, что не стало и ее. Пропала и раковина у него из рук. И не стоял он на ногах. Лежал в траве, солнце опаляло ему щеки. Все это был лишь полуденный сон?

Но то лицо ...

Елена. Елена. Елена.

Кто она такая, эта *Елена*?

Семейные ссоры

Кто она такая, эта Елена?

Мы с вами – Икар и Дедал, летящие к западу в вышине на оперенных крыльях, или, может, мы с вами Зевс в обличье орла, несущий в когтях троянского царевича Ганимеда на Олимп, а может, Беллерофонт, рассекающий воздух на крылатом своем коне Пегасе. Далеко внизу рябит эгейская синь. Пересекаем береговую линию неподалеку от горы Пелион, обители кентавра Хирона. Пролетаем над пиком горы Офрис – домом первых богов. В его тени видим царство Фтию, где Пелей правит мирмидонянами. Новая жена его, нимфа Фетида, беременна мальчиком. Мы скоро к ним вернемся. Забирая западнее, летим над Аттикой и ее великой столицей – Афинами. Через Саронический залив подлетаем к острову Саламину, теперешней родине Теламона и сыновей его Аякса и Тевкра. Перед нами – громадный полуостров Пелопоннес, где располагаются самые могущественные царства греческого мира. Коринф и Ахея на севере, родина Тесея Трезен – на юге. Еще дальше к западу раскинулись Пилос и Лакония, но прямо под нами различим Аргос и соседние с ним Микены – величайшие из величайших царств. Не будем спешить и разберемся, кто здесь живет.

Пелоп, сын Тантала (изгнанный из Лидии, что на юге Трои, царем Илом), как вы помните, пришел на запад от Пи-

сы и там выиграл Гипподамию, дочку царя Эномая, в гонках на колесницах⁴³. Пелоп выиграл гонку, но колесничий Миртил, обманутый Пелопом, проклял и самого царевича, и весь род его.

Пелоп, погубив Эномая и заполучив в жены Гипподамию, стал править Элидой и в поселении Олимпия постановил раз в четыре года проводить атлетические состязания (кои происходят и по сей день под названием Олимпийские игры). У них с Гипподамией родились двое сыновей – АТРЕЙ и ФИЕСТ⁴⁴. С нимфой Аксиохой Пелоп также зачал еще одного мальчика – ХРИСИППА⁴⁵. Фиванский царевич ЛАЙ, получивший прибежище в Элиде от междоусобного кровопролития, бушевавшего в его родном городе, влюбился в красавца Хрисиппа, похитил его и тем самым навлек на себя проклятие, каковое приведет к краху дома Лая и гибели сына Лая Эдипа и его потомков. То проклятие, усилив другое, исходное, наложенное на Кадма, основателя Фив, и распространившееся на детей Эдипа, можно рассматривать как зеркальное отражение проклятия дома Тантала⁴⁶.

⁴³ Город Писа, столица царства Элида, располагался на северо-западе Пелопоннеса.

⁴⁴ Третий сын Питфей стал править Трезеном. Питфей – отец ЭФРЫ, матери Тесея, о ней речь в книге «Герои», но мы вскоре встретимся с нею в связи с троянской историей.

⁴⁵ Что буквально означает «золотой конь».

⁴⁶ Проклятие Ареса легло на Кадма за то, что Кадм убил Исменийского дракона, а проклятие Диониса – на следующее за Кадмом поколение, за унижение

Потерпите еще чуть-чуть. Буран географических и генеалогических сведений уже накрыл эти страницы, но – как всегда с греческими мифами – в этом гобелене есть несколько ключевых нитей, да простится мне смена метафоры, какие нужно подобрать в ярких тонах, иначе отчетливо не проступят сюжетные линии этой истории. Нет нужды знать, где находятся все города-государства Пелопоннеса, материковой Греции и Трои, как незачем помнить всех до единого двоюродных братьев и тетушек великих родов, правивших в тех краях, каким суждено было сыграть значимые роли в грядущей драме, но кое-какие более чем заслуживают наших усилий и времени: царственный дом Трои – Приам, Гекуба и их дети, например. Также важны Теламон, Пелей и их отпрыски. Дом Тантала, вплоть до Пелопа и его сыновей и сыновей их сыновей, осеняет тенью своей всю историю Троянской войны и ее последствий. Проклятие Тантала с каждым следующим поколением удваивалось – это каскад проклятий, чья сила влечет нас к крушению всего и вся.

Переведа дух, вернемся на Пелопоннес. Лай похитил Хрисиппа. Пелоп проклинает его и засылает двух своих законных сыновей Атрея и Фиеста вызволить Хрисиппа, их единокровного брата. Вместо этого Атрей с Фиестом убивают его⁴⁷. То ли из ревности, как вышло у Пелея и Теламона

матери Диониса Семелы. Обо всем этом и о подробностях проклятия дома Лая см. «Миф» (стр. 289 и 301) и «Герои» (стр. 349).

⁴⁷ Скидывают в колодезь, согласно некоторым источникам. По иным версиям, Хрисипп покончил с собой.

с их братом Фоком, то ли еще по каким причинам – неясно.

Теперь-то вы хорошо уяснили, что кровное преступление можно смыть лишь с участием бессмертного существа – или возведенного на престол царя. Цари Эвритион и Эсак помогли с этим Пелею, царь Кихрей – Теламону. В давние времена, когда Беллерофонт нечаянно убил *своего* брата, очистил его, совершив необходимый ритуал, царь Прет Микенский⁴⁸. И как раз в Микены устремились Атрей и Фиест, ища очищения, когда Пелоп изгнал их из Элиды за братоубийство.

То, что случилось далее с Атреем и Фиестом, уж до того путанно и безумно, что я по совести не могу обрушивать на вас все подробности. Если же попытаться объединить в одном абзаце пояснения ко всему произошедшему, всплывут три имени, важные для дальнейшего в нашей истории.

Братья Атрей и Фиест осели в Микенах, свергли тамошнего царя (Эврисфея, деспота, заставившего Геракла совершить двенадцать подвигов) и взялись предавать друг друга всеми мыслимыми чудовищными способами в борьбе за микенский трон, завоевывая его, уступая и отвоевывая обратно. Фиест выкрал жену Атрея Аэропу. В отместку Атрей подал Фиесту на пиру его же сыновей⁴⁹. Оракул сообщил Фиесту, что отомстить своему брату Атрею он сможет, лишь родив сына от собственной дочери, – сын этот вырастет и убьет Атрея. Фиест возлег с дочерью своей Пелопией, а та прилеж-

⁴⁸ С эпохальным исходом, см. «Герои», стр. 178.

⁴⁹ Как в свое время их дед Тантал провернул с их отцом Пелопом.

но понесла от него сына ЭГИСФА. Супружеская измена, избивание младенцев, людоедство и кровосмешение – все это последовало одно за другим стремительно и смачно. Пелопия так глубоко устыдилась этого кровосмешения, что сразу после рождения Эгисфа бросила его в глухомани. По традиции младенца нашел какой-то пастух и в неумолимом повороте судьбы принес его дяде Эгисфа – царю Атрею, кто, не подозревая, что это ребенок его брата Фиеста, человек, которому пророчеством суждено убить царя Атрея, усыновил Эгисфа и вырастил его вместе со своими тремя детьми от Аэропы, сыновьями АГАМЕМНОНОМ и МЕНЕЛАЕМ и дочерью Анаксибией.

Если вы все еще не потерялись во всем этом, я благоговею перед вами.

Лишь когда Эгисф возмужал, его «дядя» Фиест открыл ему, что вообще-то *он* Эгисфу отец (и дед), а также что рожден Эгисф для того, чтобы стать орудием возмездия. Эгисф же вовсе не ужаснулся, узнав, что он – порождение столь мерзостного союза, а, напротив, сделал папаше/деду Фиесту одолжение и прикончил Атрея, чьи сыновья Агамемнон и Менелай сбежали из Микен, оставив власть Фиесту и Эгисфу.

Куда же подались Агамемнон с Менелаем? Они отправились на юг Пелопоннеса, в процветавшее царство Лаконию (или Лакедемон), что в наши дни мы знаем под названием,

которое все еще горячит кровь, – Спарта⁵⁰. Молодых царевичей приветил тогдашний спартанский царь ТИНДАРЕЙ, женатый на ЛЕДЕ, царевне из царства Этолия, что на северной стороне Коринфского залива.

⁵⁰ Лакедемон, сын Зевса, был древним царем Лаконии. Царство он переименовал в честь Спарты, своей супруги (и племянницы). Народ Спарты в классические времена славился своей суровостью и прямоотой речей. Они (видимо, как стереотипические йоркширцы) не выносили всего этого книгочейства да южной столичной чепухи, свойственных Афинам и прочим обиталищам слабаков. Бытует история, что Филипп II Македонский (отец Александра Великого) осадил Спарту и пригрозил ее жителям так: «Если одержу я победу, мы сровняем ваш город с землей. Мы убьем каждого мужчину и юнца, а каждую женщину и девушку заберем в рабство». Спартанцы ответили одним словом: «Если...» Вот что зачастую имеют в виду под первоначальным *лаконичным* ответом.

Яйца

Как-то раз предавались Тиндарей с Ледой любви у реки. Сделав свое дело, Тиндарей удалился – как это принято у мужчин, – оставив жену лежать с закрытыми глазами, озаренную солнцем, в тепле счастливой истомы.

Через миг-другой она изумленно ощутила, что муж покрывает ее вновь. Необычно это для него – так скоро восстанавливать запасы любовного пыла.

– Экий ты нынче игривый, Тиндарей, – пробормотала она.

Однако что-то шло не так. Волосат был Тиндарей, но не косматее среднего грека. И уж точно не шерстист. Но погодите-ка, даже не *шерсть* осызала она всей своей плотью, а что-то другое. Это... ну не может же быть?.. перья?

Леда распахнула глаза и увидела на себе громадного белого лебедя. Лебедь не просто лежал на ней. Птица насильно овладевала Ледой.

Кто это, как не Зевс? Леда была красавицей, и, когдаглянул Владыка неба на Спарту в тот ранний вечер, обнаженное тело ее на речном берегу оказалось для Зевса неодолимо притягательным. Чтобы уестествлять красивых девиц, юнцов, нимф и всевозможных сильфид, Царь богов за свою протяженную сладострастную биографию превращался много в кого. В орлов, медведей, козлов, ящериц, быков, вепрей – даже в золотой дождь, было дело. Лебедь по сравнению со

всем этим казался едва ль не обыденным.

Те, кому известна история рождения Геракла, осведомлены о понятии *гетеропатеральной суперфекундации*⁵¹. Достаточно распространенное явление у животных – свиней, собак и кошек, – однако у людей оно редкое, хотя и не неслыханное. В 2019 году был задокументирован такой случай⁵². Это разновидность полиспермии: в результате разных половых соитий оплодотворяется одна и та же яйцеклетка, что приводит к рождению близнецов с разными отцами. В случае Леды этот диковинный трюк зиготы оказался даже более примечательным – она родила две пары близнецов. Хотя на самом деле это не совсем правда. Все было еще страннее. Когда пришло время рожать, Леда отложила *два яйца*, в каждом – по паре близнецов.

Да-да, не то слово. Но потерпите еще чуточку.

Из одного яйца родились девочка и мальчик, и назвали их КЛИТЕМНЕСТРА и КАСТОР, из другого – тоже девочка и мальчик, и они получили имена ЕЛЕНА и ПОЛИДЕВК (также известный по имени Поллукс). По традиции считается, что Зевс был отцом Полидевка и Елены, а Тиндарей – Клитемнестры и Кастора. Кастор и Полидевк росли вместе, как любящие братья-близнецы, нераздельно приверженные

⁵¹ См. «Герой», стр. 67. В один и тот же вечер Алкмена совокупилась и с Зевсом, и со своим смертным супругом Амфитрионом, в результате чего родила близнецов Геракла и Ификла. Отец Геракла – Зевс, отец Ификла – Амфитрион.

⁵² <https://www.dailysabah.com/asia/2019/03/29/chinese-woman-gives-birth-to-twin-babies-from-different-fathers-in-one-in-a-million-case>

друг другу. Елена и Клитемнестра, повзрослев, нашли себе пары, оказавшиеся судьбоносными и определившими основные сюжетные линии всей этой истории.

Есть и другая версия этого мифа, согласно которой Зевс стал отцом Елены иным путем. Говорят, он преследовал НЕМЕЗИДУ, дочь Ночи, богиню божественного воздаяния, карательницу гордыни, ниспровергательницу тех, чья спесь и тщеславие приводят к чрезмерным посягательствам и возмущают порядок мироздания. По-над реками, лугами и горами преследовал ее бог. Она меняла обличия, превращаясь в рыбу и скользя в океане, но Зевс не отступался, пока – когда приняла Немезида облик гусыни – не обратился Царь небес в лебедя и наконец ею не завладел. Во благовремение Немезида отложила яйцо, некий пастух нашел его и принес царице своей Леде. Та выдерживала яйцо в деревянном сундуке, пока не треснула скорлупа, и растила вылупившееся человеческое дитя – Елену – как собственную дочь⁵³.

В любом случае отцом Елене приходился Зевс, однако Леда с Тиндареем воспитывали ее как свою, вместе с сестрой ее Клитемнестрой и братьями Кастором и Полидевком.

⁵³ Эту версию предпочитает Роберто Калассо, запечатлевший ее ярко и поэтично в книге «Брак Кадма и Гармонии» [«The Marriage of Cadmus and Harmony»; рус. пер. Е. Касаткиной. – *Примеч. перев.*]. Действительно, есть что-то поэтичное в мысли о том, что Елена – дитя Немезиды, которая, поскольку дочь Ночи, еще и сестра Эриды. Насчет происхождения имени ясности нет («факел», «свет», «огонь», «солнце» – вот лишь некоторые возможные значения), но в целом считается, что перекличка этого имени со словами «эллинистический», «эллины» и прочими, означающими греческое, случайна.

Кастор с Полидевком были решительно пригожи. Прелесть Клитемнестры будила восхищение в любом, кто видел ее, а вот *Елена*... с самого начала было ясно, что такая красота, какая по рождению досталась ей, случается лишь раз на целое поколение. А то и реже. Раз на каждые два, три, четыре или даже пять поколений. Может, единожды за целую эпоху или жизнь цивилизации. Никто, чьим взорам являлась она, не в силах был вспомнить ни единого человека, хоть на одну десятую столь же прекрасного. Шли годы, а привлекательность Елены все прибавлялась, и всяк, повидавший ее, не умел забыть. Вскоре слава Елены Спартанской сравнялась с таковой у любого великого правителя, отважного воина или героя – истребителя чудовищ, да и у любого смертного, что когда-либо жил на белом свете.

И все же при всей своей ошеломительной красе Елена ухитрилась не избаловаться и не стать самовлюбленной. Помимо умений во многих искусствах, какие поощряли в женщинах в те времена, располагала она и ярким, живым чувством юмора. Ей нравилось разыгрывать своих родственников и друзей, а помогал ей в этом замечательный дар подражания. Не раз и не два морочила она голову матери, зовя ее голосом сестры своей Клитемнестры. Не раз и не два смущала она отца, зовя его голосом матери своей Леды. Все, кто знакомился с Еленой, предрекали ей ослепительное и чудесное будущее.

Всего двенадцать исполнилось ей, когда Тесей, царь

Афин, с подачи своего буйного дружка ПИРИФОЯ, похитил Елену и привез ее в Афидну, один из двенадцати городов Атики. Оставив растерянную и напуганную девочку под опекой Афидна, властителя города, и своей матери Эфры, Тесей с Пирифоем отправились в царство мертвых, чтобы проверить сумасбродную задумку Пирифоя и выкрасть Персефону. Замысел, разумеется, с треском провалился, и взбешенный Аид приковал обоих к каменным тронам, где просидели они узниками Преисподней, пока, совершая свой двенадцатый подвиг, не явился Геракл и не спас Тесея⁵⁴. Пока торчали они у Аида, Елену спасли ДИОСКУРЫ, как частенько называли ее братьев Кастора и Полидевка⁵⁵, и вернули ее в Спарту, в лоно семьи. Впрочем, Елена привыкла полагаться на Эфру, и женщина сопровождала ее до Спарты – уже не как страж, а как рабыня. Немалое понижение для Эфры – не только матери великого Тесея, царя Афин и истребителя Минотавра, но и дочери царя Питфея Трезенского, а также в прошлом любовницы морского бога Посейдона⁵⁶.

⁵⁴ См. «Герои», стр. 142.

⁵⁵ Что означает «сыновья бога», а конкретнее – «сыновья Зевса»: слова «Зевс», «Деус» и «Диос» близкие, или, как говорят лингвисты, родственные; братьев обычно называют Диоскурами, несмотря на то что биологическим сыном Зевсу приходится только Полидевк.

⁵⁶ И будущей невесты героя Беллерофонта. Полная история Эфры, Питфея, Беллерофонта, Тесея и Пирифоя изложена в «Героях» (стр. 177, 383 и 459).

Лотерея

После того как Диоскуры спасли сестру из заточения в Афидах, Елену стали стеречь куда зорче. Превратившись из девушки в молодую женщину, у своей двери денно и нощно терпела она присутствие стражников, а также общество слуганок, наставниц, телохранителей и дуэний во главе с матерью Тесея Эфрой, даже если желала Елена всего-то прогуляться по дворцу.

Красота, вероятно, представляется одним из величайших благословений, но может оказаться и проклятием. Некоторые рождены с красотой, которая словно бы доводит людей до безумия. К счастью, нас таких очень мало, но власть наша, бывает, сеет сумятицу, а то и хаос. Так вышло и с Еленой. Мать ее Леда и отец Тиндарей (ее *смертный* отец, во всяком случае) вскоре поняли, что каждый неженатый царь, царевич и военачальник на Пелопоннесе и еще много где на материке, островах и самых удаленных окраинах греческого мира выстраиваются в очередь за ее рукой и сердцем. Бескрайняя толпа пылких властительных ухажеров начала стекаться во дворец Тиндарея, а с ними – их шумные и крепко пьющие свиты. Они бы при любых обстоятельствах счастливы были заполучить столь высокородную царевну из столь великого царского рода, но красота Елены теперь уж так расхвалена и воспета была по всему известному миру, что любой, кому

б досталась она в жены, обрел бы несравненный престиж и славу, не говоря уже о непревзойденном преимуществе просыпаться ежеутренне и видеть рядом с собой такое вот обворожительнейшее лицо.

Среди самых влиятельных и настойчивых кавалеров были постоянные гости самого спартанского царского дома – сыновья Атрея Агамемнон и Менелай, однако усердно ухаживали за красавицей Еленой далеко не одни они. Аякс Саламинский⁵⁷ встал в очередь за ее рукой, как и единокровный брат его Тевкр. Прибыл во дворец Тиндарея и ДИОМЕД, царь Аргоса⁵⁸, а также ИДОМЕНЕЙ, царь Крита, Менесфей, царь Афин⁵⁹, царевич ПАТРОКЛ, наследник престола Опунта (царства на восточном побережье материковой Греции), ФИЛОКТЕТ из Мелибеи, ИОЛАЙ и его брат Ификл, правители фессалийских филаков, и много других вождей, старейшин, князьков, знати, землевладельцев и мелких прихлебателей. Список их слишком длинен, всех не перечислишь⁶⁰.

Один высокородный и почтенный правитель, *не явившийся* в Спарту завоевывать расположение Елены, – ОДИССЕЙ

⁵⁷ Сын Теламона и потому часто именуемый Теламонидом, а также Аяксом Великим.

⁵⁸ Никак не соотносится с Диомедом Фракийским, хозяином плотоядных кобылиц, с которыми связан восьмой подвиг Геракла (см. «Герои», стр. 100).

⁵⁹ Его возвели на царство вместо Тесея Кастор и Полидевк, когда примчались в Аттику спасти Елену.

⁶⁰ Общее число ухажеров, если сложить всех упомянутых в разных источниках – у Аполлодора, Гесиода и Гигина, – доходит до сорока пяти.

с Итаки. Все, кто знал его, считали Одиссея коварнейшим, хитрейшим и лукавейшим молодым человеком во всем греческом мире. Отцом Одиссею приходился аргонавт ЛАЭРТ, владыка Кефалонии и ее прилежащих островов в Ионийском море⁶¹. Мать Одиссея АНТИКЛЕЯ была внучкой Гермеса – через воришку и пройдоху АВТОЛИКА⁶². Лаэрт отдал Одиссею власть над Итакой, одним из островов Кефалонийского архипелага, подчинявшегося Лаэрту⁶³. Пусть и не была Итака ни самым плодородным, ни самым процветающим Ионийским островом, Одиссей не променял бы ее ни на какие сокровища и чудеса Пелопоннеса. Итака была ему домом, и он любил на ней каждую иззубренную скалу и каждый чахлый кустик.

И друзья, и враги сходились во мнении: от своего деда Автолика и прадеда Гермеса Одиссей унаследовал более чем

⁶¹ Название «Ионийское» потенциально способно запутать, поскольку эти воды на западном берегу Греции и не имеют никакого отношения к Ионии – тем краям, которые мы именуем Малой Азией, ныне турецкая Анатолия, что за Эгейским морем на востоке, там, где располагаются земли Трои. Римское имя Одиссея – Улисс (*Ulysses*), что странно, поскольку римляне букву «Y» не очень-то использовали. Другое латинское написание этого же имени – *Ulixes*. Большинство источников предполагает, что Одиссей все же был среди притязавших на руку Елены, но я останусь при своем мнении – Одиссея среди них не было, и, возможно, по мере развития событий вы поймете, почему вышло именно так.

⁶² Историю ушлого Автолика см. в книге «Миф», стр. 350. Некоторые источники среди предков Одиссея числят СИЗИФА (не менее хитроумного пройдоху).

⁶³ Кефалония, или Кефалиния, – крупнейший из Ионийских островов, назван в честь Кефала, возлюбленного Эос Рассветной (см. «Миф», стр. 398) и Одиссеева отца Лаэрта.

достаточно плутовской двуличности и шкодливой хитрости. Враги держались от него подальше, не доверяя ему и опасаясь его проницательности и коварства, друзья же полагались на его советы и уловки. Он бывал возмутительно бесчестным и двуличным, если приходился кому-то не по нраву и ему не доверяли, – и восхитительно ловким и находчивым, если оказывался нужен.

Как раз в этом духе и обратился к нему раздосадованный Тиндарей.

– Одиссей! Ты посмотри, во что превратился мой дворец. Всякий холостяк со всякого острова, горы и дола сюда заявился, все просят руки Елены. Мне предлагают такой выкуп, что глаза на лоб лезут. Находятся болваны, которые считают, что мне повезло с дочерью, но они попросту не вдумались как следует. Похоже, не понимают, что, отдай я ее кому-то одному, тут же почти гарантированно наживу непримиримых врагов во всех остальных.

– Никаких сомнений, – отозвался Одиссей, – вообще никаких сомнений – те, кто не получит Елену, отнесутся к этому скверно. Еще как скверно.

– Весь Пелопоннес вскипит кровью!

– Если только мы с тобой не пошевелим мозгами.

– Шевелить мозгами будешь *ты*, – сказал Тиндарей. – Когда я берусь за это дело, у меня голова начинает болеть.

– Есть одна мыслишка, – промолвил Одиссей.

– Правда?

– О да. Простая и очевидная. И гарантированно работает, но есть у нее и цена.

– Назови ее. Если может она предотвратить гражданскую войну и подарить мне покой, она стоит всего, чего б ты ни потребовал.

– Хочу ПЕНЕЛОПУ в жены.

– Пенелопу? Моего брата Икария Пенелопу?

– Ее самую. Она обещана какому-то царевичу в Фессалии, но я люблю Пенелопу, а она – меня.

– Так вот почему ты единственный, кто не ошивается у покоев Елены, вывалив язык, да? Так-так. Ну поздравляю. Уладь мою беду – и повезешь Пенелопу на Итаку с ближайшим же приливом. Что ты надумал?

– Созови всех ухажеров и скажи им вот что...

Одиссей выложил свой замысел, Тиндарей его выслушал. Прежде чем царь наконец всё усвоил, пришлось повторить детали трижды. Сердечно обнял Тиндарей друга.

– Великолепно! – сказал он. – Ты гений.

Раздал Тиндарей указания. Взревели трубы, загремели барабаны. Забегали по дворцу босоногие рабы, сзывая гостей собраться немедленно в большом зале. Воздыхатели ответили на этот призыв нервным воодушевлением. Принято ли решение? Выбрала ли Елена? Выбрали ли ее родители за нее? После финальных фанфар и под барабанный бой Тиндарей, Леда и заалевшая Елена появились на высоком балконе. Грандиозное собрание царей, вождей, старейшин, князьков, вое-

вод, знати, землевладельцев и мелких прихлебателей умолкло.

Одиссей сидел на скамье в тени и улыбался. Как поведут себя ухажеры в ответ на его план? Им придется смириться. Конечно же. Поначалу неохотно, однако в конце концов они смирятся.

Тиндарей откашлялся.

– Друзья мои. Царица Леда, царица Елена и я чрезвычайно тронуты пылким интересом, какой выказали вы к тому, чтобы связать себя... сокровенными узами с нашим царским домом. И так много вас, и все вы столь утонченны, благородны и достойны. Мы постановили, что решить эту задачу справедливо можно лишь...

Он умолк. Послышался скрип кожи и бряцание меди: пять десятков мужчин подались вперед, прислушиваясь.

– ...лотереей.

Раздался великий стон. Улыбка Одиссея сделалась еще шире.

Тиндарей вскинул руку.

– Понимаю, понимаю. Вас страшит, что вероятность выигрыша невелика. Или, быть может, страшит вас, что *боги* против вас? Ибо если победителя определяет жребий, выбирать этого человека не мне, не царице и не Елене, а Моросу и Тихее⁶⁴, и всегда лишь от них происходят Рок или Удача, к добру ли, к худу ли.

⁶⁴ Олицетворение случайности и жребия у греков.

Воздыхатели вроде бы усмотрели справедливость в этом – по мнению Одиссея – нравоучительном доводе и пробурчали в ответ свое согласие.

Тиндарей, вскинув руку, вновь потребовал тишины.

– И еще одно. За каждый лотерейный билет в этой жеребьевке предстоит *заплатить*.

Публика недовольно забубнила. Одиссей готов был обнять сам себя.

– Нет, уверяю вас, не в золоте и не в богатствах измеряется та цена, – продолжил Тиндарей. – Ценой назначаем мы *клятву*. Притязающие на руку Елены получают право участвовать, только если сперва поклянутся всеми богами Олимпа, жизнями детей своих и внуков: кто б ни выиграл, смирятся участники без всяких жалоб с исходом жеребьевки. Более того, поклянутся защищать Елену и ее законно признанного супруга от всех, кто посмеет встать между ними.

Пала тишина – ухажеры впитывали сказанное. Великолепный замысел, как ни поверни. Тиндарею такое нипочем бы в голову не пришло. Кому еще, как не Одиссею с Итаки, хватило находчивости предложить выход столь простой и безупречный? Удачливый победитель получит руку Елены и навеки пребудет в безопасности. Неудачливые проигравшие, как бы обижены или разочарованы ни были, ничего не смогут с этим поделать, не нарушив священной клятвы. Клятвы, засвидетельствованной собранием властителей, грандиозней которого не видывала история.

Неохотно ворча, притязавшие опускались один за другим на колени и клялись перед богами своей честью защищать и беречь любого из собравшихся, кто б ни вытянул счастливый жребий из громадной медной чаши, внесенной в зал⁶⁵.

Победителем стал царевич Менелай. Тиндарей очень обрадовался такому исходу и сказал Одиссею, что усматривает в столь приятном стечении обстоятельств благосклонное вмешательство богов⁶⁶.

– Он подходящего возраста. Он мне нравится. Он нравится Леде, а Елене он нравился всегда. Полагаю, он сможет ее осчастливить. Наверняка Аполлон или Афина направляли руку его, когда тянул он свой жребий.

– Будем надеяться, что нет, – отозвался Одиссей. – Когда боги вот так глубоко влезают в наши дела, следует считать себя проклятыми.

– Циник ты, Одиссей, – молвил Тиндарей.

Тут как раз подошел к ним Агамемнон и оделил Одиссея нехорошим взглядом.

– Твоя гениальная мысль небось?

Одиссей склонил голову. Агамемнон – всего лишь царе-

⁶⁵ По правде сказать, я не знаю, как протекала жеребьевка. Явно не билетики с надписями тянули участники – возможно, там были таблички с символами царственного дома каждого участника, а может, просто слепая жеребьевка – с камешками, например, среди которых все, кроме одного, были черные.

⁶⁶ По некоторым версиям этой истории, никакой жеребьевки не было. Притязавшие приносят клятву, и затем Тиндарей выбирает Менелая (которого нет среди присутствующих, но его представляет брат Агамемнон).

вич в изгнании, царь без страны, однако было в нем что-то такое, чего нельзя было не уважать. Где б ни появлялся, приносил он с собой дух силы и вескость. Могучую ауру авторитетности.

Агамемнон был младше Тиндарея почти на двадцать лет, однако царь Спарты всегда смущался в его присутствии.

– Надеюсь, ты рад за брата?

Все трое глянули в зал, где Менелай и Елена уже уселись на трон и принимали поздравления и обещания верности от проигравших воздыхателей.

– Смотрятся они точь-в-точь как юные любовники, каких художники рисуют на тарелках и вазах, верно? – проговорил Одиссей.

– Неправильно это, – сумрачно промолвил Агамемнон. – Она должна была выйти за *меня*. Я старше и – при всем уважении – как мужчина лучше. Тут дела назревают. Скоро я возьму Микены. Будь Елена моей, она б оказалась владычицей величайшего царства на свете.

Несусветное заявление, подумал Одиссей. Однако рявкнул Агамемнон все это с такой угрюмой неколебимостью, что вышло убедительно.

– О да, – продолжал Агамемнон, слово бы уловив сомнения Одиссея. – Мой провидец КАЛХАС заверил, что впереди меня ждут великие победы. А Калхас никогда не ошибается. Я ничего против брата не имею. Менелай славный малый, но он – не Агамемнон.

Смущенный Тиндарей метнул в Одиссея умоляющий взгляд.

– А не приходило ли тебе в голову, – сказал Одиссей, – что у Елены сестра имеется? Может, не в точности такая же красавица – нет таких среди смертных, – но Клитемнестру точно можно числить средь прекраснейших женщин на всем белом свете. Не родись Елена, о Клитемнестре бы слагали стихи и песни.

– Клитемнестра, значит? – проговорил Агамемнон, задумчиво почесывая бороду. Глянул на Еленину сестру. Клитемнестра стояла подле матери и оглядывала толпу, сгрудившуюся вокруг Елены и Менелая, с видом отстраненного насмешливого самообладания. Не выказывала она ни малейшего намека на обиду или зависть ко всей этой истерии, какую порождала красота ее сестры. Поворотился Агамемнон к Тиндарею. – Обещана ль она?

– Нет-нет, – рьяно отозвался Тиндарей. – Мы собирались сперва сбыть Елену... в смысле, сперва подобрать пару Елене...

– Давай же! – встрял Одиссей, осмеливаясь ткнуть Агамемнона локтем в бок. – Женись на Клитемнестре! Что тут может пойти не так?

Жеребьевка за руку Елены Спартанской представляла собой поворотную точку в истории греческого мира. Казалось, она предвещала переход власти к следующему поколению

и сулила начало новой эпохи устойчивости, роста и покоя. Тиндарей уступил престол Спарты своему свежее испеченному зятю Менелая⁶⁷. Агамемнон собрал армию, чтобы завоевать Микены, и – как и уверял он Тиндарей и Одиссея – ему удалось изгнать своего двоюродного брата Эгисфа и дядю Фиеста из царства, а самому занять престол вместе с Клитемнестрой, своей царицей. Фиест умер в изгнании на Китире, маленьком острове у южной оконечности Пелопоннеса.

Агамемнон – как и предполагали все, кто следил за ним, и как предрекал провидец Калхас – оказался блистательнейшим и умелым царем-воителем. Он завоевывал, присоединял и подчинял себе соседние царства и города-государства с потрясающей быстротой и мастерством. Его безжалостное военное руководство и природный дар вожака завоевали ему прозвище *Анакс андрон* – «Царь людей». Под его началом Микены сделались богатейшим и мощнейшим среди всех греческих царств, почти дотягивавшим до империи.

Но как там тем временем поживают Пелей и Фетида, чью свадьбу так причудливо прервала Эрида со своим Яблоком раздора?

⁶⁷ Ход времени, как обычно это бывает, когда речь о мифе, а не об истории, сводит с ума. Некоторые линии в этом повествовании очень мешают вычислять возраст героев. По некоторым подсчетам, Менелай взойшел на трон Спарты лишь после смерти и превращения в созвездие своих шуринов Кастора и Полидевка.

Седьмой сын

Шесть сыновей подарила Фетида Пелею, но знаменитое пророчество о сыне Фетиды, который вырастет и затмит отца величием своим, никак не сбывалось: все шесть детей умерли в младенчестве. Нет, не совсем так. Говорить, что они умерли, – лукавство. Точнее было бы сказать – с точки зрения Пелея, во всяком случае, – что они исчезали. Он никак не мог взять этого в толк, но был чересчур деликатен, чтобы выпрашивать подробности у откровенно расстроенной Фетиды. Младенцы чаще умирают, чем выживают, как ни поверни. Пелей это знал. Шесть подряд вроде бы перебор, но не ему, всего лишь мужчине, лезть в такое слишком глубоко.

Впрочем, причины превосходили его понимание не потому, что он был всего лишь мужчина, – они превосходили его понимание, потому что он был всего лишь *смертный* мужчина.

Отчаявшаяся Фетида, беременная седьмым их с Пелеем ребенком, навестила своего отца, морского бога Нерея.

– Это ужасно огорчительно, – сказала она. – Я *все* делаю правильно, сомнений у меня никаких, но младенцы продолжают сторгать.

– Что, прости? – переспросил Нерей.

– Пелей – прекрасный человек и хороший муж, – сказала Фетида, – но смертный.

– Конечно, он смертный. А что ты там о горении?

– Сама я буду жить вечно. Вечно – это очень долго. Если предстоит мне родить сына от смертного Пелея, сына, которому суждено достичь громадного величия, я не снесу, если и ему быть смертным. Его не станет в мгновение ока. Я едва успею как следует узнать его, а он уж состарится, одряхлеет, а следом и умрет. Я смирилась с тем, что так случится с Пелеем, но мой великий сын должен жить вечно.

– Но любое дитя твое от смертного отца родится смертным, само собой, – проговорил Нерей. – Таков порядок вещей.

– Да, но это если я не сделаю его бессмертным! Океаниды говорили мне, что есть способ. Заверили, что способ тот действен. Но, боюсь, они заморочили мне голову.

По щеке Фетиды скатилась сверкающая сфера. Они сидели в громадном подводном гроте у Нерея, что по масштабам и величию уступал лишь дворцу самого Посейдона. Когда Фетида плакала над водой, слезы она проливали соленые, как любое создание суши и воздуха, однако под водой слезы ее были пузырьками воздуха.

– Ты советовалась с *океанидами*? – переспросил ее отец. – Океаниды ничего не понимают. Что за чепуху они тебе наболтали?⁶⁸

⁶⁸ Как уже говорилось ранее, океаниды – дети первородного морского титана Океана. Дети Нерея – nereиды. Возможно, соперничества между этими боже-ствами следовало бы ожидать. Жена Нерея Дорида сама была из океанид, конечно, а потому соперничество было, надо полагать, клановым.

– Они сказали, что человеческого ребенка можно обесмертить, если обмазать с головы до пят амброзией и подержать над огнем. В точности так я все шесть раз и делала, но каждый раз... каждый раз... ребенок лишь вопил, воспламенялся и погибал.

– Ах ты глупое, глупое, глупое дитя!

– Они мне сказали неправильно?

– Не неправильно, нет, а не *полностью*, – а это, считай, так же скверно, как неправильно. Да, обваливать ребенка в амброзии, а следом поджарить на пламени, безусловно, придаст ему бессмертия, но сперва дитя нужно сделать *неуязвимым*, понимаешь?

– Неуязвимым?

– Конечно.

– Ой, – промолвила Фетида: до нее начало наконец доходить. – Ой! Да, об этом стоило подумать. Сперва неуязвимым и лишь *затем* амброзия и огонь.

– Океаниды! – презрительно буркнул Нерей.

– Вот еще что... – проговорила Фетида, помолчав.

– Так?

– Как именно можно сделать ребенка неуязвимым?

Нерей вздохнул.

– В Стиксе, само собой. Полное погружение в воды его.

Вы же помните – то есть совершенно простительно, если забыли, – что Пелей унаследовал трон Фтии, царства мирмидонян на востоке материковой Греции. Именно там и жи-

ли Фетида с Пелеем, и туда поспешила она после разговора с Нереем – в самый раз к родам их седьмого ребенка, еще одного сына. Пелей был доволен, что естественно, однако его уютное отцовское довольство значительно уменьшилось из-за тревоги: он увидел, с каким воодушевлением, радостью и оптимизмом Фетида празднует это рождение. После шести младенческих смертей вкладывать в этого младенца столько любви и надежды казалось опрометчивым.

– На этот раз все будет хорошо, я уверена, – приговаривала она, прижимая к себе дитя. – Прелестный ЛИГИРОН. Видел ли ты когда-нибудь столь светлые волосы? Все равно что золотые нити.

– Схожу принесу быка в жертву, – сказал Пелей. – Может, на сей раз боги помилосердствуют.

В ту ночь, пока Пелей спал, Фетида вынула малыша Лигирона из колыбели и отправилась к ближайшему входу в Преисподнюю. Стикс, Река ненависти, что протекала по Аидову царству мертвых, сама была океанидой, одной из трех тысяч отпрысков титана Океана и Тефиды. Ее воды были холодны и черны – буквально стигийски черны. Фетида пала на колени и обмакнула нагого Лигирона в реку. Чтобы стремительное течение не уволокло ребенка прочь, она держала его за щиколотку, зажав пятку левой ноги между указательным и большим пальцами. Досчитала до десяти, вынула малыша из воды и завернула в одеяльце. Ледяная вода разбудила Лигирона, но он не заплакал.

Вернувшись в свои покои во фтийском дворце, Фетида уложила мальчика на стол и заглянула ему в глаза.

– Ты теперь неуязвим, юный Лигирон, – выдохнула она. – Никто не сможет поранить тебя. Ничье копье не проткнет тебе бок, никакая палица не сокрушит тебе кости. Ни яд, ни мор тебе не грозят. А теперь я сделаю тебя бессмертным.

Согрела она в ладонях пригоршню амброзии, а затем обмазала ею Лигирона⁶⁹. Дитя счастливо лепетало, притирание растекалось ему по коже. Фетида удостоверилась, что все тело обмазано целиком, и понесла ребенка к очагу, где пылал добрый огонь.

Вот теперь-то. Теперь все получится. Ее мальчик никогда не умрет.

Фетида склонилась и поцеловала Лигирона в лоб, почувствовала на губах знакомую сладость амброзии.

– Давай, мой милый, – прошептала она, помещая ребенка в пламя.

– *Нет!* – С яростным воплем Пелей выхватил ребенка из огня. – Ах ты извращенная ведьма! Ах ты безумная, жестокая, больная...

– Ты не понимаешь!

⁶⁹ Единого мнения насчет состава амброзии так и не сложилось. Представление о том, что нектар был напитком богов, а амброзия – едой, можно найти у Гомера, однако другие авторы классической античности считали, что все наоборот: амброзия – жидкость, а нектар – твердое вещество. Большинство сходится на том, что пахла амброзия сладко и ароматно и содержала мед. Само слово, похоже, происходило от того, которое означало «бессмертный» или «немертвый».

– О, уж я-то понимаю. Теперь я понимаю, что случилось с нашими шестью сыновьями. Вон отсюда. Вон из дворца. Уходи! Уходи...

Фетида встала лицом к лицу с мужем, во взгляде ее пылал гнев. Пелей подкрался сзади, и ее это потрясло, однако она была нереидой и склонности выказывать даже намек на слабость не имела.

– Ни один смертный не смеет меня выгонять. *Сам* ступай прочь. *Ты* иди вон.

Лигирон на руках у Пелея заплакал.

Пелей стоял бессловесно.

– Я знаю, ты и меня можешь убить, если пожелаешь. Что ж, давай. Боги увидят, что ты за тварь.

Фетида притопнула.

– Верни мне ребенка! Говорю тебе, ты не понимаешь, что я делала.

– Вон отсюда!

Фетида испустила вопль досады. Смертные. Не стоят они усилий. Да и ладно. Не удалось ей сделать своего сына бессмертным. Лигирон умрет, как и все люди. Ей есть чем заняться, не снисходить же до вульгарной склоки. Вообще не надо было связываться со слабой смертной плотью.

В вихре и всплеске света Фетида исчезла.

С младенцем на руках

Сколько-то простоял Пелей, держа на руках лепетавшего и зардевшегося малыша Лигирона. Казалось невероятным, что мать, хоть божество, хоть человек, способна претерпеть тяготы и муки беременности и родов, чтобы следом... чтобы следом проделать то, что смогла Фетида. Предать ребенка огню. Наверняка она спятила. Нездоровая до мозга костей. Возможно, с годами пророчество как-то исказилось. Не дожить ее сыну до большего величия, чем отец его, – ему не выжить совсем.

Посмотрел Пелей в глаза своему седьмому сыну.

– Выживешь ли ты теперь и возмужаешь ли так, чтобы затмить меня, Лигирон? Не сомневаюсь, так и будет.

Отнес Пелей ребенка в пещеру к своему деду и спасителю Хирону. В ту самую, где они с Фетидой женились в присутствии всех богов, в тот день, когда бросила здесь Эрида золотое яблоко.

– Ты был мне наставником, – сказал Пелей кентавру, – и ты вырастил Асклепия, Ясона и Геракла. Поможешь ли ты с этим и моему сыну? Будешь ли ему учителем, наставником и другом?

Хирон склонил голову и принял ребенка на руки⁷⁰.

⁷⁰ Торс, голова и руки у кентавра человеческие, а четвероногими конями они были от талии и ниже. Поэтому разговаривать и действовать руками они умели

– Вернись за ним, когда ему исполнится десять, – сказал Пелей.

Хирону имя Лигирон не понравилось. Оно значило «скулить и ныть» – и Хирон сделал вывод, что такое имя ребенок получил в насмешку, как прозвище. Все младенцы скулят и ноют, что уж там. Наверняка, если бы все складывалось как обычно, Пелей и Фетида выбрали бы сыну другое имя, благородней. Поразмыслив, Хирон остановился на АХИЛЛЕ⁷¹.

Вот так и вышло, что Ахилл провел раннее детство в пещере у Хирона, учась там музыке, риторике, поэзии, истории, науке, а позднее, когда его сочли достаточно зрелым, уже в отцовском дворце во Фтии Ахилл совершенствовался в искусствах метания копья и диска, управления колесницей,

в точности как люди.

⁷¹ Аполлодор считал, что Ахилл означает «безгубый» (*а-хейле*), что сэр Джеймз Фрейзер (автор первопроходческого труда по мифологии и фольклору «Золотая ветвь», 1890) считал «абсурдным». Некоторые авторы – например, Роберт Грейвз и Алек Невала-Ли – считают, что «безгубый» подходит герою «вещему», хотя с чего они взяли, что Ахилл «вещий», я понять не могу. Другие толкования этого имени включают в себя «остростопого», а также, смежно, «быстроногого» – это качество с Ахиллом ассоциировал и Гомер, и многие другие. Далее – «огорчительный для людей» или, возможно, «тот, чьи люди огорчаются», с этими значениями Гомер тоже играет, ни подтверждая, ни опровергая их как истинное происхождение и «значение» имени. С этой словообразовательной игрой филологи забавляются давно, и пальму первенства пока ни один претендент не получил. Как бывает со всеми именами и титулами, от применения размываются границы первичных и вторичных значений и само имя *становится* именуемым, и *наоборот*. АХИЛЛ, во всей смыслах слова, – наособицу.

сражения на мечах и рукопашного боя. В этих вот последних – в искусствах войны – показал он талант совершенно потрясающий. К его одиннадцати годам никто во всем царстве не мог догнать его на беговой дорожке. Считали, что бегают он быстрее самой Аталанты⁷² – проворнее любого смертного из всех, кому доводилось жить. Быстрота его, зоркость, равновесие и непревзойденная атлетическая ловкость придавали ему блеск, особую ауру, что восхищала и зачаровывала любого, кто общался с Ахиллом, даже в его столь юные годы. С Золотым Ахиллом, чье достославное и героическое грядущее уже было не за горами.

Когда этот брильянт дорос лет до десяти и окончательно перебрался ко фтийскому двору, царь Менетий и царица Полимела из соседнего царства Опунт послали Пелею депешу. Полимела была ему сестрой, а Менетий – собратом-аргонавтом, из давних дней похода за Золотым руном. Они спрашивали Пелея, не примет ли он их сына Патрокла, в припадке ярости нечаянного убившего какого-то ребенка и теперь вынужденного расти в изгнании за пределами Опунта, чтоб искупить свою вину. Юный Патрокл, если не считать той дикой выходки, был юношей уравновешенным, благожелательным и чутким, и Пелей с радостью согласился на такого кузена-компаньона для Ахилла. Мальчишки далее росли вместе и стали не разлей вода.

⁷² См. «Герои», стр. 322 и далее.

Действующие лица

Давайте вспомним, кто есть кто и где они все. В ТРОЕ Гекуба и Приам пополняют семью – помимо многих прочих детей⁷³ – еще и сыновьями ДЕИФОБОМ, ГЕЛЕНОМ и ТРОИЛОМ, а также дочерьми Илионой, КАССАНДРОЙ, Лаодикой и ПОЛИКСЕНОЙ. Их старший сын царевич Гектор женится на киликийской царевне АНДРОМАХЕ, а Парис, «мертворожденный сын» (как было сообщено всем), которого никто в Трое не считает живым, прохлаждается со своими стадами и отарами на горе Иде, все никак не в силах забыть странный сон, что привиделся ему однажды вечером: Гермес, яблоко, морская раковина, богини и то *лицо* – лицо столь прекрасное, что Парис готовится видеть его в грезах вечно.

Лицо принадлежит Елене, теперь уже царице СПАРТЫ, она замужем за Менелаем. Пара благословлена дочерью ГЕРМИОНОЙ и сыном НИКОСТРАТОМ. Елене прислуживает ее рабыня – мать Тесея Эфра.

Агамемнон правит МИКЕНАМИ со своей молодой женой Клитемнестрой. Она принесла ему трех дочерей – ИФИГЕНИЮ, Электру и Хрисофемиду, а также сына Ореста.

На острове САЛАМИНЕ Теламон правит со своей женой

⁷³ Если учесть данные всех источников, аж пятьдесят сыновей – от Гекубы и предыдущих жен.

Гесионой (троянской царевной, которую он привез с собой, когда они с Гераклом громили Трою отца Гесионы – Лаомедонта). У них рождается сын Тевкр, потрясающе одаренный стрелок; он прекрасно ладит со своим единокровным братом Аяксом – сыном Теламона от первого брака.

Брат Теламона Пелей правит ФТИЕЙ без своей изгнанной супруги Фетиды. Их сын Ахилл, неразлучный со своим другом Патроклом, того и гляди покажет свою исключительность.

Одиссей, благополучно уладив дела Тиндарея, увозит свою невесту Пенелопу на ИТАКУ.

Если все это более-менее улеглось у нас в головах, можем отправиться в обратный путь через Эгейское море и навестить Трою.

Парис возвращается домой

Даже к восемнадцатой годовщине его гибели муки совести, стыд и печаль, обуревавшие Приама с Гекубой из-за убийства их второго сына, ни в какой мере не утихли и не смягчились.

В ту пору бытовал обычай ежегодно проводить погребальные игры в память об утраченном ребенке – в день его рождения и смерти. В Трое никто, за исключением Агелая, знать не знал, что царь с царицей отправили своего ребенка умирать на горном склоне. Весь мир считал, что царевич родился мертвым. Бывает. Мало у какой пары все дети доживали до зрелых лет.

Сам Парис, живя с горной нимфой Эноной на высокогорных пастбищах Иды, знал, что погребальные игры эти проходят сколько он себя помнит, но ему невдомек была исключительная связь между этими играми и ним самим – не ведал он, что эти игры увековечивают его собственную гибель. Что же до явления Гермеса и трех богинь... ну, как известно, если заснуть на лугах Иды, МОРФЕЙ, бывает, является и навевает аромат маков, лаванды и тимьяна тебе в ноздри, и оттого возникают в уме, словно миражи, яркие видения⁷⁴.

⁷⁴ Морфей – бог сновидений. Его имя перекликается не только с корнем «морф» в слове «морфий», но и с «морф» в «морфировать» и «метаморфоза». В конце концов, сны – это преобразования, взаимные превращения образов, зна-

Парис решил, что Эноне о той грезе знать незачем. Несколько лет назад родила она Парису сына КОРИФА, и пусть Парис никогда не давал ей никакого повода сомневаться в его любви к ней, было у него чувство, что на историю с тремя богинями, золотым яблоком и смертной красавицей по имени Елена посмотрит Энона косо. А потому оставил причудливый сон при себе. И все же то лицо... как же неотступно возникало оно пред мысленным взором Париса.

Как-то раз под вечер, за пару дней до ожидавшегося начала ежегодных погребальных игр, на Иду явились шестеро воинов и их начальник – забрать великолепного быка, чьей красой Парис за несколько месяцев до этого похвалялся как непревзойденной. Из-за той самой похвальбы возникло явление Гермеса и весь дальнейший загадочный курьез.

Парис никак не мог взять в толк, с чего это отряд солдат пришел за его скотиной.

– Он принадлежит мне и моему отцу Агелаю! – воспротивился Парис.

– Этот бык, как и любое животное на горе Ида, включая и тебя самого, юноша, – ответил начальник отряда с надменным презрением, – есть собственность его величества царя Приама. Бык этот будет первым призом на играх.

Парис бросился сообщить Агелаю о судьбе их любимого быка, но нигде не мог найти отца. Как посмел царь Приам забирать быка? Да, в принципе он – собственность царско-

го дома, но как скотоводу заниматься своим трудом без племенного быка? Парису досадно было думать, что его благородного зверя может выиграть какой-нибудь спесивый атлет – выращенный в городе троянец, которому бык совершенно без всякого толку. Никаких сомнений, что после игр великолепного красавца-быка принесут в жертву. Бездарный расход ценной скотины.

Возмутительно. Парис готов был биться об заклад: он проворней и сильнее любого избалованного городского юнца. Вообразил, как бегают, прыгает и метает всякое в состязании с лучшими, кого могла выставить Троя.

Внезапно в голове у него зашептал голос.

Почему бы и нет?

Почему бы ему не спуститься с горы, не записаться в участники игр и не заполучить своего же быка? Соревнования открыты для всех, верно?

Однако много лет назад Агелай взял с пасынка клятву, что Парис никогда не войдет в Трою. Парис как-то раз спросил со всей невинностью, какова она, Троя, и можно ли туда когда-нибудь наведаться. Пыл отцовского ответа поразил его.

– Никогда, сынок, никогда!

– Но почему?

– Троя тебе на беду. Я... слышал это от одной жрицы. В храме Гермеса, где я подобрал тебя, еще младенцем. «Ни за что не пускай его в ворота Трои, – сказала она мне, – иначе жди беды, и ничего более».

– Какой беды?

– Да какой бы то ни было. У богов свои резоны. Не нам знать. Поклянись, что никогда туда не сунешься, Парис. Никогда не войдешь в город. Дай клятву.

Парис поклялся.

Однако внутренний голос подсказывал, что игры пройдут за пределами Трои. На равнине Илиона между рекой Скамандр и городскими стенами. Можно явиться на игры, посоревноваться, выиграть быка и вернуться с ним – и при этом не нарушить данного Агелаю слова.

И поскакал с горы вприпрыжку Парис вслед за воинами и быком. Углядел за деревьями проблески сверкавшей бронзы и отсветы каменной кладки, и вот наконец явили себя его взору все турели, башни, стяги, зубцы, валы и стены – и великие врата Трои. Сразу следом за воинами и быком Парис перешел Скамандр по деревянному мосту и обозрел величественный вид, открывшийся ему.

Троя достигла зенита славы. Богатства, накопленные благодаря торговле с Востоком, являли себя не только в мощи, крепости и качестве каменных стен, но и в сверкавших доспехах войск, богато крашенных одеждах горожан и в здоровых сытых лицах детворы. Даже собаки выглядели процветающими и довольными.

Кругом шла подготовка к играм. Возле беговой дорожки длиной в целый стадий⁷⁵ уже разметили площадки для ме-

⁷⁵ Примерно 630 футов, или 192 метра, если по-сегодняшнему. Наше слово

тания диска и копья, а также для рукопашных боев. Из боковых ворот города всё валили и валили толпы людей. Их ждали торговцы и потешники. Играли музыканты. Отплясывали танцоры, позвякивая сагатами и рисуя в воздухе разноцветные узоры пестрыми ленточками. Продавцы снеди расположились со своими лотками и выкликали названия и цены лакомств. Собаки носились и задорно лаяли, откликаясь на счастливую суматоху цвета, благоухания, шума и зрелища.

Парис приблизился к важного вида субъекту, стоявшему у входа на беговую дорожку, и спросил, где тут можно вызваться участвовать в играх. Смотритель показал ему на очередь молодых людей, выстроившуюся к низенькому деревянному столу. Парис пристроился к этой веренице, вскоре получил жетон, и его направили к выгородке, где атлеты снимали с себя лишнюю одежду и принимались разминаться⁷⁶.

Щелчок кнута, окрик. Толпа, напиравшая на выгород-

«стадион» происходит от этой меры длины, ею же называли и сам спринтерский забег.

⁷⁶ Догола раздеваться Парису не пришлось. Полная нагота стала обязательной на спортивных состязаниях лишь в VIII в. до н. э. Возможно, предложили это спартанцы. Слово гимнос по-гречески означает «обнаженный», отсюда происходит слово *gymnasium* [«спортивный зал» в английском языке – *примеч. перев.*], место, где полагается быть обнаженным. Современные управляющие спортзалами настаивают, чтобы атлеты хоть мало-мальски прикрывали наготу, и никакие доводы в пользу настоящих корней этого слова и слышать не желают – я бросил любые попытки и обычно, отправляясь заниматься физкультурой, хоть какую-то тряпицу на себя да нацепляю.

ку, расступилась, и выкатилась пара колесниц, управляемых гладкими, ухоженными молодыми людьми спортивного вида.

– Царевич Гектор и его брат Деифоб, – прошептал кто-то из соперников Париса. – Блистательнейшие атлеты на всю Троаду.

Парис оглядел царевичей с головы до пят. Гектор, наследник престола, был высок, неоспоримо привлекателен и ладно сложен. Он кивал и улыбался, сходя с колесницы и вручая поводья рабу, – положил ему руку на плечо и, кажется, благодарил. Едва ли не с застенчивым взмахом руки почтительно принял ликование толпы и присоединился к Парису и другим атлетам. Его брат Деифоб спрыгнул с колесницы, но поводья бросил на землю и протиснулся сквозь толпу, ни с кем не встречаясь взглядом и не общаясь. Смотрелся он поджарым и мускулистым, но было в его повадках нечто высокомерное и презрительное, что сразу Парису не понравилось.

Толпа повернулась на рев фанфар. На самом верху городской стены Парис увидел глашатаев. Под ними распахнулись громадные ворота.

– Скейские ворота! – зашептал кто-то из участников рядом с Парисом. – Это могут быть только царь с царицей.

Парис ожидал, что выкатится грандиозная колесница или повозка в сопровождении глашатаев и всадников. Уж во всяком случае должна быть процессия, несущая царскую че-

ту в паланкине или на передвижном ложе, как принято у правителей на Востоке. А вот пару средних лет, выступившую пешком рука об руку, Парис не ожидал увидеть совсем. Больше похоже на обычных супругов, вышедших на утреннюю прогулку, подумал Парис, чем на великого владыку и его жену. Послышалось громогласное ликование, пара отозвалась кивками и радушными улыбками.

– Это правда царь Приам? – спросил Парис соседа-атлета.

В ответ атлет пал на колени – вместе со всеми остальными участниками соревнований, включая царевичей Гектора и Деифоба. Парис тоже преклонил колени и наблюдал, как Приам и Гекуба добрались к приготовленному для них помосту, с которого открывался вид на все поле.

Царь Приам вскинул руки, подавая всем знак встать.

– Восемнадцать лет назад, – провозгласил он, – родился у нас царевич. – Голос у царя был громкий и ясный. – Чад у не довелось вдохнуть и единожды, но ребенок этот не забыт. Мы с царицей Гекубой думаем о нем ежедневно. Сегодня вся Троя думает о нем. Сегодня память его почитается пред богами. – Он обратился к атлетам: – Будьте сильны, будьте честны, будьте горды, будьте троянцами.

Атлеты вокруг Париса принялись колотить себя кулаками в грудь и пятикратно выкрикнули: «Сильные! Честные! Гордые! *Троянцы!*» – с каждым разом последнее слово кричали они все громче. Парис смекнул, что таков здесь обычай, и влился в общий хор, бия себя по грудной клетке и выкрики-

вая слова, ощущая дрожь воодушевления и восторг принадлежности.

Троянец! Что может быть благороднее?

Принесли в жертву барана и ярку. Жрец выпустил в небо восемнадцать голубиц – по одной на каждый прошедший год, как пояснили Парису, со дня смерти малыша-царевича.

С безграничным задором и энергией ринулся Парис состязаться. Был он в полном расцвете юности, тело закалено многими годами беготни за телятами, поросятами, козлятами и ягнятами и их усмирения, оно заматерело на горном воздухе и напиталось лучшей тушеной бараниной, козьим молоком и диким тимьяновым медом. Парис побеждал в каждом состязании – к немалому веселью толпы, которую мгновенно обаял этот неведомый, но неимоверно пригожий и по-мальчишески рьяный участник. Всерьез угрожали Парису соперничеством лишь двое – царские сыновья. В одном соревновании Парису поведали, что последние семь лет победителем игр неизменно оказывался кто-то из царевичей.

Гектора, судя по всему, никак не задевало, что в состязаниях его превосходит какой-то юный незнакомец, а вот брат его Деифоб, пока день клонился к закату, супился и досадовал все сильнее. Восхищенные крики, гремевшие над толпой зрителей всякий раз, когда Парис одолевал Деифоба, уязвляли царевича сильнее всего. Тем более некстати оказалось, когда бросили жребий, кому с кем соревноваться в рукопашном поединке, последнем событии дня: Деифобу выпал в па-

ру этот самонадеянный выскочка.

– Я этому клятому крестьянину покажу, чтоб не резвился мне тут, как у себя дома, – прорычал он Гектору. – Этот спесивый заморыш оглянуться не успеет, как от него мокрое место останется.

– Давай-ка с ним полегче, – предупредил Гектор. – Выкажи снисхождение, а? Народ на его стороне, и каков бы ни был исход, победителем окажется этот парень.

Стиль борьбы в тех играх назывался *панкратион*, или «все силы», похож он был на смесь бокса и рукопашного боя, без всяких запретов на какие бы то ни было захваты, а изобрел его Тесей, когда боролся с Царем борцов – Керкионом Элевсинским⁷⁷. Деифоб был уверен, что его невинный оппонент к суровым пинкам, укусам за нос и за уши, выдавливаниям глаз и кручению мошонки окажется не готов, а все это правилами допускалось⁷⁸. Однако и Деифоб оказался не готов к тому, как скакал вокруг него Парис: поди достань его. Еще и смеет улыбаться... Чем больше Деифоб ревел и кидался, тем шустрее, казалось, отскакивал от него Парис. Зрители выли от хохота.

– Стой смирно, будь ты проклят, – орал Деифоб. – Стой и дерись!

– Ладно, – отозвался Парис, ныряя и ставя Деифобу лов-

⁷⁷ См. подвиги Тесея, «Герои», стр. 400.

⁷⁸ В позднейший классический период подобное скотское поведение запрети-
ли, но в те ранние времена возбранялись мало какие приемы.

кую подножку. – Если тебе угодно...

Еще миг назад Деифоб стоял – и вот уж лежит навзничь, а сельский невесть кто прижимает коленями плечи царевича к земле.

– Хватит с тебя? – спросил Парис, смеясь сверху вниз, одной рукой приветствуя толпу. Юные девы рвались вперед и одобрительно верещали.

Вот это уже чересчур. С ревом раненой гордости Деифоб вскочил на ноги и крикнул своему слуге, чтоб кинул ему меч.

– Ты у меня получишь урок, какого не забудешь вовек! – прорычал он, ловя оружие.

Но Парис оказался слишком шустр. Он пустился наутек – к городским стенам, хохоча на бегу. Он знал, что обгонит Деифоба на любой дистанции. Уже доказал это в трех разных забегах.

– За ним! – заорал взбешенный царевич.

– Оставь его, – проговорил Гектор. – Мальчишка победил честь по чести.

– Он шептал богохульства мне на ухо, – сказал Деифоб. – Говорил мерзости о нашей матери.

То была ложь, но ее хватило, чтобы воодушевить Гектора, и тот крикнул:

– Хватай его!

Все еще смеясь, Парис не сбавлял скорости, не зная, куда бежит, но преисполнялся радости, какую дарят победа и телесное усилие, – он хохотал и любил жизнь. Шум пого-

ни у себя за спиной он слышал, но не сомневался, что сможет увертываться, увиливать и ускользать от любых бед. Не задумываясь, бросился в распахнутые городские ворота и внутрь. Чуть помедлил – полюбоваться лабиринтами переулков и улочек, расходившихся во все стороны. Вот она, значит, какая – Троя. Садики, лавки, фонтаны, площади, улицы, люди. Очень много людей. Ослепительно, ошеломительно. Парис все сворачивал и сворачивал, чувствуя себя Тесеем в критском лабиринте. Шум и крики позади него делались все громче. Парис выбрал прямую узкую улицу и рванул во всю прыть по ней, пока не оказался у каменных ступеней, ведущих к золоченым воротам. Слишком поздно осознал он, что ворота эти закрыты и он теперь в тупике.

Шум погони нарастал, и Парис затряс ворота, закричал:
– Помогите! Если это храм, молю о прибежище во имя всех богов! Помогите, помогите!

Ворота открылись, возникла из тени и спустилась к нему прекрасная юная жрица, протянула руку.

– Идем... – молвила она.

Парис потянулся к ней, но в тот миг, когда его рука соприкоснулась с ее ладонью, дева отшатнулась и охнула, а глаза ее распахнулись от ужаса.

– Нет! – воскликнула жрица.

– Прошу тебя, молю! – вскричал Парис, поглядывая через плечо. Деифоб и Гектор с мечами наголо возглавляли целую лавину сторонников, зрителей, взбудораженных собак и де-

тей.

– Нет! – повторила жрица. – Нет! Нет! Нет! – И вновь растаяла в тенях, захлопнув за собой дверь.

Парис заколотил в ворота кулаками, но Деифоб уже достиг его – зубы оскалены, ревет от ярости.

– Держи его, Гектор. Поглядим, как засмеется его наглая башка, когда слетит с плеч.

Гектор, ростом выше брата, схватил Париса и поднял его над землей.

– Не стоило расстраивать Деифоба, – сказал он. – Если смиренно извинишься, я прослежу, чтобы тебя за все хлопоты лишили всего одного уха.

Деифоб занес меч.

Но тут зазвенел голос – громкий и пронзительный:

– Стой! Нельзя убивать родного брата!

Деифоб и Гектор обернулись. Парис обернулся тоже – и увидел, как сквозь толпу протискивается отец его Агелай.

– Отпусти его, владыка Гектор! Отпусти брата!

Толпа по одну сторону расступилась и дала Агелаяю пройти. А по другую сторону она расступилась, пропуская царя Приама и царицу Гекубу. Агелай увидел их и повалился на колени.

– Не смог я, ваши величия! Не смог убить дитя. И рад тому. Вы гляньте на него. Им надо гордиться.

И вся давнишняя история вылетела из Агелая скороговоркой. Толпа притихла.

Первой оторопевшего Париса обняла Гекуба. Приам прижал его к себе и назвал сыном. Гектор нежно толкнул его в плечо кулаком и назвал братом. Деифоб пихнул его в другое плечо кулаком – заметно сильнее – и тоже назвал братом. Толпа ликовала неустанно, а царственное семейство вознамерилось отправиться во дворец.

Золотые ворота на вершине лестницы распахнулись, и вновь появилась жрица – она рыдала и размахивала руками, словно завладел ею демон.

– Уведите его прочь, прочь из города! – стенала она. – Он – смерть. Он навлечет на всех нас гибель.

Может, кто и услышал ее, да не придал значения.

Звали ее Кассандра, и жизни царевны она предпочла стезю жрицы. Красивейшая и талантливейшая из всех дочерей Приама и Гекубы, царевна Кассандра посвятила себя храму Аполлона в Трое. На беду, привлекла она к себе внимание самого Аполлона, и он, плененный ее красотой, наделил ее даром прорицания. Скорее то была взятка, нежели подарок. Бог шагнул к ней, чтобы заключить в объятия.

– Нет! – тут же произнесла Кассандра. – Никому не дам, ни богу, ни смертному. Не согласна. Нет, нет!..

– Но я ж наделил тебя величайшим даром, какой может достаться смертному, – воскликнул разгневанный Аполлон.

– Это запросто. Но я не просила о нем и совершенно точно не обещала тебе взамен мое тело. Нет. Отказываю тебе. Нет.

Отнять дар Аполлон не мог – таков нерушимый закон: ни

один бессмертный не в силах отменить то, что сотворил сам или другой бессмертный⁷⁹, — а потому в ярости своей плюнул он Кассандре в рот как раз в тот миг, когда она приоткрыла его для очередного «нет». Слюна стала проклятием. К Кассандриным пророчествам никогда не будут прислушиваться. Как бы точно ни предсказывала она будущее, никто ей не поверит. Судьба ей не быть услышанной.

Что именно сообщило ей краткое прикосновение к руке брата Париса, нам знать не дано. Что́ увидела она мысленным взором, остается лишь догадываться. Возможно — тот самый пожар, какой видела во сне восемнадцать лет назад Гекуба. Оставим жрицу на ступенях храма заламывать руки и стенать в отчаянии.

⁷⁹ Можно усилить или добавить, но не отменить.

Боги смотрят свысока

Порыв, повлекший Париса вниз по склону вслед за пленным быком, – не бог ли какой наслал его? Тот голос в голове у Париса, шепнувший: «Почему бы и нет?» Почему б не спуститься с горы, не поучаствовать в состязаниях и не отыграть того быка? *Почему бы и нет?* Был ли то собственный голос Париса, его честолюбие и юношеский порыв – или божественное вдохновение?⁸⁰

Афродита пообещала ему: если отдаст яблоко ей, она подарит ему Елену. Принятие Париса в царском дворце Трои принесло юноше восторг и воодушевление, перемену в жизни, на какую он не мечтал и надеяться. Но походило все это скорее на исполнение Гериного посула власти и земель, нежели Афродитино обещания любви. Житье царевичем во дворце чарует, слов нет, однако оно нисколько не приблизило Париса к видению того лица, той обетованной «Елены».

Или как?

У богов свои повадки.

Да, житье царевичем и впрямь чаровало. Рабы, богатства, роскошные одежды, а также еда и питье такого качества, каких не доводилось ему вкушать сроду. Граждане Трои при

⁸⁰ «Инспирировать» [вдохновлять] буквально означает «дышать изнутри» – для древних это могло означать дыхание божества, музыки или другой сторонней силы.

его приближении падали на колени. Поначалу это было восхитительнее и упоительнее, чем он мог когда-то вообразить. Но, похоже, за всю эту роскошь, послушание и положение нужно платить. Похоже, царевичам полагается знать все на свете.

Искусства войны, к примеру. Парис был прирожденным атлетом, чему стала свидетелем вся Троя. Но как ему приладить свой природный атлетизм к более суровым воинским умениям? В отличие от братьев Гектора и Деифоба, он не имел ни мышечной силы, ни воинской дисциплины, потребной для бойца, однако пока ему удавалось выкручиваться благодаря проворству, равновесию и согласованности движений. Кроме того, на что нужна она, эта военная сила? Видал ли белый свет город мирнее Трои?

Искусства мира же Парису показались несносно занудными. Церемонии, история, торговля, налоги, дипломатия, закон... уроки по этим предметам держали его в четырех стенах, и на них он скучал до полной потери внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.